

ВИКТОР ЗАЙЦЕВ

ПРОВЕРКА
НА ПРОЧНОСТЬ

Обратной дороги нет

Виктор Зайцев

**Дранг нах остен по-русски.
Проверка на прочность**

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Зайцев В. В.

Дранг нах остен по-русски. Проверка на прочность /
В. В. Зайцев — «Издательство АСТ», 2020 — (Обратной дороги
нет)

ISBN 978-5-17-133862-6

Темные времена Ивана Грозного. Несколько наших современников, попавших в прошлое – инженеров, офицеров, учителей, с помощью наёмников захватывают Восточную Пруссию, где создают своё государство и судорожно стараются выжить в средневековье, в вихре религиозных войн. Но такие соседи не нравятся никому, германские государства-княжества, Польша, Англия, Франция, Турция и даже запорожские казаки – все норовят уничтожить непонятных соседей. Впереди войны, интриги и огромное желание выстоять, сохранить жизни своих детей и своё маленькое государство. Удастся ли это им?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-133862-6

© Зайцев В. В., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	27
Глава 4	37
Глава 5	48
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Виктор Зайцев

Проверка на прочность

© Виктор Зайцев, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Предисловие

Компания туристов, двадцать человек взрослых с детьми, сплаваясь по реке Куйве, притоку Чусовой, попадают в шестнадцатый век, во времена Ивана Грозного. Наши современники не падают духом, инженеры и офицеры выстраивают на границе строгановских владений острог, закрепляются в нём, из руды выплавляют железо, выковывают примитивные ружья. Учитель химии получает порох, стекло. Огнестрельным оружием удаётся отбиться от набега сибирских татар из-за Урала, ещё не покорённых Ермаком. Чтобы не попасть в кабалу, избежать обвинения в еретизме, ведь никто из них не знает православных молитв и обычаев, туристы называются не русскими, а магаданцами, из далёкой страны Магадан, что на востоке Сибири.

Постепенно начинают торговать самодельными стальными ножами, топорами, наколочниками для стрел с аборигенами, добывают золото и алмазы из нетронутых в шестнадцатом веке месторождений, но известных и выработанных в двадцать первом веке. Высаживают картошку и помидоры, взятые в турпоход для еды, подсолнечник. Сражаются с сибирскими татарами, освобождают пленников, которых селят рядом с собой. За несколько лет набирают из местных жителей свою дружину, которую вооружают самодельными ружьями. Опасаясь непредсказуемого Ивана Грозного и следующих правителей Руси, не отличавшихся человеколюбием, магаданцы перебираются через Белое море в Европу.

Там, внезапным нападением на королевский дворец, захватывают шведского короля Юхана, принуждая того к союзу с магаданцами. Офицеры тренируют шведских солдат, вооружают ружьями, с их помощью захватывают Восточную Пруссию и Ригу. На захваченной территории основывают своё государство, называют его Западным Магаданом. Пока союзные шведы воюют с Речью Посполитой, магаданцы развивают промышленность своего государства. Делают станки, на которых производят пушки, нарезное оружие с патронами, даже выпускают двигатели внутреннего сгорания. Правда, работают двигатели на спирте, который учитель химии получает гидролизом из древесных отходов. Выпускают и продают зеркала, конкурирующие с венецианскими изделиями.

Небольшое, но сильнейшее в средневековой Европе государство, основанное нашими современниками, начинает влиять на политику, меняет историю Руси. Так, в 1579 году, на четыре года раньше, чем в нашей истории, заканчивается Ливонская война. И совершенно с другим результатом. Русь не теряет свои земли, а оставляет завоёванные города себе, получает выход к Балтийскому морю не в восемнадцатом, а в шестнадцатом веке. Ермак на три года раньше покоряет Сибирское ханство. Шведы «перевоспитывают» польское население захваченной Речи Посполитой, магаданцы грабят города на побережье Крыма, нападают на Константинополь. Освобождают захваченный турками остров Кипр, где устраивают свою базу. В ответ на попытку нападения соседней Священной римской империи германской нации войска магаданцев грабят немецкое побережье Балтики, захватывают остров Рюген.

В размеренную жизнь средневековой Европы, где войны длятся десятилетиями и веками, врываются непобедимые, воспитанные на принципах двадцать первого века, войска магаданцев. Небольшая, отлично вооружённая и обученная армия Западного Магадана, с лёгкостью разбивает превосходящие силы противника, быстро передвигается и наводит ужас на соседние страны. Командиры этой армии не питают иллюзий в отношении «европейских ценностей», соблюдения европейцами договоров и прочих сказок. Ведут магаданцы себя по отношению к европейцам точно так же, как те относятся к китайцам, неграм, индейцам и прочим славянам. Разве что не так подло и кроваво, но без снисхождения, наши современники относятся к англичанам, немцам и французам шестнадцатого века – как к обычным дикарям из джунглей, без сантиментов.

Глава 1

– Взвейтесь, кострами, синие ночи! Мы пионеры – дети рабочих! – звонкими голосами пели два десятка мальчишек и девчонок, пока маршировали нестройной колонной по городской набережной. Впереди шёл молодой парень с девушкой, а на шее у всех были повязаны платки из красного шёлка.

Яська засмотрелся на своих ровесников, занятых чем-то интересным и непонятным. Увидел, что подростки в красных платках-галстуках зашли по сходням на небольшой корабль, который сразу отошёл от берега. Затем, без вёсел и парусов, кораблик шустро поплыл вдоль берега к выходу из залива.

– Вот бы нам так, – толкнула Яську в бок младшая сестра Олеся. Она с открытым ртом глядела на удаляющийся кораблик. – Куда они поплыли?

– Откуда я знаю, – насупился мальчишка и повернулся в другую сторону, чтобы ахнуть от удивления. Там с высокого корабля под парусами спускались на берег чёрные, как головёшка, люди, в одних портах, босые и голые по пояс. Эти чёрные люди выносили на берег тюки и складывали их возле сходней. Затем на причал с корабля сошли другие, уже белые люди, богатые, судя по важному виду и дорогой, шитой золотыми и серебряными нитями, одежде. Все со шпагами или тростями, держались спокойно и уверенно. Яська засмотрелся на чёрных людей, стараясь определить, какого цвета у них ладошки и ступни, небось, ещё чернее.

– Туда смотри, – острый локоток сестрёнки ударил мальчишку немного в ребро. Девочка показывала пальцем на лужайку дальше набережной, где десяток пацанов бегали друг за другом, пиная небольшой мяч. Судя по всему, игра захватила мальчишек настолько, что брат с сестрой позавидовали и захотели срочно присоединиться к этой непонятной игре. Чего стоять без дела, в ожидании тяти, коли можно побегать с ровесниками. Яська оглянулся, на причалах кипела своя, непонятная ему жизнь. И никому не было дела до семьи беженцев с её нищим скарбом. Пятилетняя сестрёнка Люба тетёшкала младшего братика Феденьку, не обращая внимания на окружающий мир. Ей было интересно, как братишка пытается ухватить беззубым ртом тряпицу с разжёванным кусочком варёной рыбы. После смерти мамки младший сын рос без кормилицы, на козьем молоке, другой скотины семья Малежиков не сохранила. Всё отобрали на Троицу мытари из усадьбы гере Рейнбаха.

– Куда собрались? – Твёрдые, как камень, отцовские пальцы схватили Яську за плечо. Толкнув сына к немудрёным пожиткам, тятя впрягся в самодельную тележку, на которой лежали два мешка муки, прялка, разобранный ткацкий стан, стол и зимние полушубки. Всё, что осталось от разорённого хозяйства. – Бери вещи, пойдём.

Ясь и Олеся всунули руки в петли своих котомок, взяли младшую Любу, с Феденькой на руках, под локоть. Все, вместе с отцом, побрели к длинному барaku, из труб которого тянуло лёгким дымком и ощутимым запахом свежего хлеба. Идти оказалось не близко, рот был полон слюны, пока добрались. К ясно ощутимому запаху хлеба с каждым шагом всё больше примешивался вкус ароматной похлёбки и жареной рыбы. Люба тоже почувствовала вкусные запахи и доверчиво посмотрела снизу вверх на старшего брата. – Мы кушать будем?

Яська молча сглотнул слюну, проморгав невольно навернувшиеся слёзы на глазах, он не забыл, сколько раз их гнали крестьяне от своих домов или харчевен, на пути сюда. Больше месяца Малежики брели по дорогам Литвы из Орши в Королевец, питаюсь рыбой, если повезёт. Или тюрей и лепёшками из последних запасов, когда не везло. Редко, когда такие же нищие крестьяне подавали хлеба. Всё больше молока или репки с огорода. Богачи не подавали никогда, порой просто били кнутами. После первых недель такой дороги тятя выбирал всё больше глухие перелески да обходные тропы, чтобы с людьми не встречаться. Дважды разбойников замечали впереди на дороге, богородица помогла, успевали спрятаться. Пришлось неделю по

болотам пробираться, едва комары не заели да пиявки последнюю кровь не выпили. Ничего, тятя молчит по-доброму, не злой, бог даст, всё наладится, как маменька говорила.

– Малежики? Проходите сюда! – Выскочила из барака девица, чуть постарше Яся, в мужской рубаше и синих узких штанах. За ней две Олесиных ровесницы, у обеих красные платки на шее, поверх белых рубах, а юбки срамные, едва колени прикрывают. Тятя даже сплюнул, не решаясь ругаться. – Вещи в эту комнату, дальше мойте руки и умывайтесь, вот здесь. Полотенца рядом висят, и проходите в столовую, обедать будете. Я вас там подожду.

Через четверть часа семейство Малежиков обедало за длинным столом, жадно глотая мясную похлёбку с хлебом. А девица записывала состав семьи, возраст детей, умения отца и старшего сына. Потом, когда девочки в красных платках на шее принесли второе блюдо, жареную рыбу (о существовании вторых блюд Ясяка за последние годы успел подзабыть), девица, назвавшаяся управдомом Галиной, начала рассказывать.

– Жить будете пока в бараке, ваша комната пятая, девочки покажут. Кормёжка бесплатная, трижды в день. Сегодня вечером всем сходить в баню, она топится каждый день. Веники там есть, щёлк в предбаннике, свою одежду прокалите на верхнем полке, оставьте там на ночь. Чистое бельё перед баней получите у кладовщицы Агафьи, её хозяйство за бараком. Отхожее место общее, вон там, возле барака нельзя ходить даже по-малому. Для детей и ночью в комнате есть горшок. Чистоту в своей комнате наведёте сами, перед едой обязательно мыть всем руки, в бане мыться каждые два дня. Жить тихо и чисто, будете грязь разводить или скандалить, выпорем.

Считать умеешь? – Дождавшись уверенного кивка старшего Малежика, девушка продолжала: – Завтра, к семи утра, тебе и старшим детям быть у городской управы, вон там, видишь, на башне часы? Эти часы каждые полчаса время отбивают колоколами. Полный час указывают числом ударов колокола – два, три, четыре, до двенадцати. Полчаса отбивают один раз. Не проспите на сытый желудок. Если на работу не устроишься за два дня, найдём работу сами, будешь улицы от навоза чистить или золотарём дерьмо выгребать из отхожих мест. Так, что не балуй, устраивайся сразу. До весны жить можете в бараке, потом ищи жильё или сам строй, коли работа будет, осилишь. Козу свою в общий скотник отведите, за её кормёжку придётся платить или самим траву косить, запасать. Сегодня можно из наших запасов корма взять, там у входа стожок сена стоит. Вопросы есть?

– Мальцу бы кормилицу? – Осторожно спросил Малежик. – Народу много в бараке, бабы есть с малыми детьми?

– Есть, в двенадцатой, четырнадцатой и двадцать восьмой комнате. Договаривайся сам. На детей особо не рассчитывай, их на зиму в школу возьмут, письму и счёту учить, занятия будут с восьми утра до обеда для мальчиков и после обеда для девочек. Школа недалеко, занятия начнутся с первого сентября, через месяц. Будут вопросы, я каждый день в первой комнате работаю, до вечера.

– До вечера надо успеть, – Николай вопросительно взглянул на Хесселя, магаданского адмирала. – Завтра турки подойдут к Ларнаки, если начнут высаживать войска на берег, худо придётся. Упаримся гонять их по всему острову.

– Тогда предлагаю восемь быстроходных кораблей с двигателями, отправить на перехват турецкой эскадры. Все к вечеру не успеем, дай бог, к утру добраться. – Хессель красноречивым жестом показал на волны, бросавшие корабли эскадры исключительно в обратном направлении. Восточный ветер не давал возможности идти прямо к острову Кипру, приходилось лавировать.

– Пойдём в переговорную, согласуем действия.

Магаданская эскадра из сотни кораблей, исключительно большого тоннажа, подходила к острову Кипру, чтобы сменить гарнизон и забрать свыше сорока тысяч православных сла-

вян, желающих перебраться в спокойные места. С собой эскадра везла двигатели на замену во всех катерах, старые моторы которых не выдержали слишком активной эксплуатации. Ещё в трюмах лежало немного картофеля на посадку и семена томатов, для пропитания местного гарнизона. Июнь только начался, в жарком средиземноморском климате всё успеет вызреть. В составе эскадры были только три новых судна, зато все свыше трёхсот тонн водоизмещением, выстроенные за год столичной верфью. Только три этих корабля могли взять на борт больше тысячи пассажиров каждый, при удачном испытании корабельной серии таких парусников. Магаданцы готовились к активному освоению и заселению Америки, нужны были объёмные и быстроходные корабли. Потому все крупнотоннажные корабли к парусному вооружению получали два винта, на каждом по шестицилиндровому двигателю внутреннего сгорания.

Сейчас эти три новичка во главе отряда из восьми быстроходных кораблей спешили сыграть на опережение. Команды спустили паруса, а механики завели двигатели, шум работающих цилиндров гулко передавался через корпус кораблей. Хотя уже в двух метрах за границей палубы плеск волн и завывание ветра полностью глушили непривычные звуки. Корабли шли прямо к столице Кипра, пытаясь догнать турецкий флот, которому по данным береговых наблюдателей, оставалось совсем немного до Ларнаки. Для береговых наблюдателей вид восьми кораблей, идущих упрямо против ветра с убранными парусами, представлял, вероятно, интригующее зрелище. Возможно, и нет. Привыкли за зиму киприоты к самоходным катерам, регулярно патрулировавшим прибрежные воды острова.

Догнал небольшой отряд турецкую эскадру за час до наступления темноты. Турки шли почти поперёк линии движения магаданцев, и сразу заметили преследователей. Характерно, что принимать бой не стали, несмотря на тройное численное преимущество. Вся турецкая эскадра приняла к ветру и поспешила оторваться от преследования. За год турецкие мореплаватели усвоили, кто на море хозяин, устремившись в открытое море, как можно дальше от берегов Кипра. Преследовать противника магаданские капитаны не стали, продолжив движение в Ларнаку. Туда удалось добраться уже в темноте, потому корабли встали на якорь вдали от берега, дожидаясь рассвета.

Две недели пробыла магаданская эскадра в Ларнаке, столице Кипра, пока на пришедшие корабли грузили зимнюю добычу гарнизона. Механики за это время заменили двигатели в катерах, вставили клизму всем экипажам за безалаберность и разгильдяйство. Николай проверил пять полков, набранных из бывших православных рабов. Согласился с назначением рекомендованных офицеров и сержантов, оформил всё это своими приказами. Тут же вооружил новые воинские части, провёл учения, стрельбы. В закрепление учений, на двух десятках кораблей, все шесть полков старого гарнизона ограбили побережье Анатолии. В качестве жертв выбирались те города и крупные селения, которые за зиму киприоты не посетили ни разу. Посему урожай оказался неожиданно высоким.

Кроме разграбленных складов и домов богачей, пяти тысяч освобождённых православных рабов и рабынь, ставших привычными пленными корабельщиков, ювелиров, алхимиков и прочих учёных мастеров, бывшие рабы прихватили иную добычу. За год парни отъелись, отошли от рабского прошлого, но обида осталась. Потому на Кипр из набега магаданские полки доставили восемь тысяч молодых турчанок, девушек и женщин. И почти тысячу мальчиков турок, от четырёх до шести лет, собираясь сделать из них православных христиан. В дальнейшем вырастить из них солдат, для войны с турками. Так сказать, янычары наоборот. Попытки Николая доискаться, кому пришла в голову такая оригинальная идея, ни к чему не привели, бывшие рабы своих не выдавали.

В целом, Николай остался доволен новым формированием, выросшая в численности за счёт трофейных кораблей магаданская флотилия в начале июля отправилась домой, на север. Увозили магаданцы не сорок тысяч людей, как ожидали, а пятьдесят тысяч, в том числе всех турецких мальчиков и большую часть пленнотурчанок. Сам Николай с тремя быстроход-

ными новинками оставался на острове. Не только помочь привезённому из Королевца магаданскому губернатору острова Кипра, молодому ученику Елены Александровны, не только наладить контрразведку и разведку, достойного уровня, но и поискать союзников для магаданцев, в первую очередь среди подданных турецкого султана. Нет, не греков и не прочих болгар, те с удовольствием проживут под сенью красного турецкого флага ещё триста лет.

Несмотря на огромное желание помочь православным народам, в том числе славянам, магаданцы не собирались проливать свою кровь и пот за чужую свободу. Как это делали русские цари в восемнадцатом и девятнадцатом веках, проливая кровь русских солдат за свободу угнетённых болгар, румын, греков и прочих сербов. Русские императоры со времён Петра Первого отличались завидным идиотизмом, словно жили не на земле, а сразу в раю. Их, почти стопроцентных немцев по крови, совершенно необъяснимым образом привлекало объединение славянских народов под сенью России. И, соответственно, за счёт русской крови и русских денег. Причём подавалась эта идея, как попытка захвата Проливов у Турции.

Тех самых Проливов, которые англичане и французы контролировали, как свой задний двор, диктуя очередному султану, кого пропустить в Чёрное море, а кого выпустить оттуда. Причём ни островитяне, ни лягушатники никогда не захватывали Босфор и Дарданеллы войсками. И впервые попытались это сделать лишь в конце Первой мировой войны, что характерно, безрезультатно. Да и сами магаданцы на опыте убедились, что в шестнадцатом веке захватывать Проливы абсолютно нет необходимости. Хвалёные турецкие крепости, Румелихисара на европейском берегу Босфора и Анадолухисара на азиатском берегу, якобы перекрывавшие Босфор в самом узком месте, не выдержали и десяти минут прицельного обстрела фугасными снарядами. Пётр не сомневался, что магаданские корабли в любое время смогут легко зайти в Чёрное море и выйти, было бы желание. Содержать в Проливах свои гарнизоны, подвергая солдат опасности гибели, да тратить немалые средства на подобные шалости магаданцы сочли излишним.

Так вот, на протяжении двух веков русские солдаты пролили реки своей крови, чтобы освободить «братские славянские и православные народы». И чем отблагодарили нас «братушки»? Тем, что в обе мировые войны «благодарные» болгары воевали против своих освободителей – русских. Да и в конце двадцатого века дружно бросились поливать грязью именно Россию, видимо, в благодарность за предоставленную независимость, оплаченную русской кровью. Поэтому магаданцы не собирались повторять ошибки России, и Николай искал на берегах Средиземного моря настоящих союзников. Тех, кто будет воевать сам за свою свободу, пусть и магаданским оружием. В первую очередь, это был Египет. Именно в Египет с дружественным визитом и собирался на трёх кораблях Николай, разведать обстановку.

Но не успел в Ларнаку, на пяти галерах прибыл представитель Венецианской республики, некто Федерико Фалькони. Весьма импозантный господин, увешанный кружевами с головы до ног, в полном смысле этого слова, даже на башмаках у него были кружева. Золотые цепи с шеи Фалькони не каждый бандит девяностых рискнул бы надеть, так толсты и безвкусны были изделия венецианских мастеров. До того времени венецианцы не выходили на официальный контакт с Западным Магаданом. Хотя командиры ждали подобного визита ещё год назад, видимо, сказала специфика шестнадцатого века. Века неторопливого распространения информации, ещё более неторопливого принятия решений. Века столетних войн и многолетних путешествий.

Венеции было, что сказать Королевцу, больше года продававшему в Северной Европе зеркала и подзорные трубы качественней венецианских и, самое главное, дешевле на двадцать процентов. Если мастера с острова Мурано и сохранили свои прибыли, то исключительно за счёт поделок и посуды из цветного стекла, до которого руки магаданских стеклодувов пока не дошли. Да и остров Кипр, так удачно захваченный год назад у турок, почти два века был в собственности Венеции. А потеряли они его совсем недавно, года три-четыре назад. Так

что, венецианцам было о чём поговорить с представителями Западного Магадана. А что могли получить или потребовать от Венеции магаданцы, пока находилось под вопросом.

В идеале, конечно, лучше заключить с Венецией союз против Турции. Но зачем? В смысле, за что воевать против Турции в Средиземном море, да ещё в союзе с Венецией? Острова Архипелага, так любимые венецианцами, Магадану не нужны, в качестве базы хватит и Кипра. Получать территориальные уступки от турок, в виде участков побережья Хорватии или Греции? На кой чёрт такие победы, эти пляжи замучаешься защищать, сплошной убыток. Совместно грабить турецкие города? С этим занятием магаданцы сами неплохо справляются. Преференции в торговле? Над этим можно подумать, но воевать ради этого, да ещё с Турцией? Дешевле с турками заключить торговый союз, у них и товаров больше и возможностей.

Потому и Николай продемонстрировал новоявленному «Труффальдино из Бергамо», так походил Федерико на одного из персонажей известного фильма, всю свою незаинтересованность в разговоре со «слаборазвитыми варварами-европейцами». Встречать гостя майор вышел в синих джинсах и белой рубашке с коротким рукавом, без единого украшения на теле, не считая наручных часов. Пара наручных часов сохранилась лишь у бывшего сыщика и у Павла Аркадьевича, часы оказались механическими, потому и выжили. Кварцевые часы Игоря Глотова остановились года три назад. Устав менять быстро сгнивавшие кожаные ремешки, два года назад майор уговорил ювелиров сделать к часам платиновый браслет. Так что часы не вызвали особого интереса у случайных собеседников, тусклая платина не походила даже на серебро, не только на золото.

Господин Фалькони, как ни странно, удивил Николая своим стойким характером, нетипичной для южанина невозмутимостью. Венецианец не показал ни единым движением, что поведение хозяина ему не нравится. Более того, он начал разговор на шведском языке, вставляя туда фразы по-русски. Было понятно, что представитель республики готовился к встрече, а не просто пришёл поругаться. Потому Кожин предложил гостю побеседовать в неформальной обстановке, пригласив на лёгкий ужин. Чисто летний салат из помидоров с огурцами, с подсолнечным маслом, фрукты с ягодами на выбор, стакан холодного хлебного кваса. Что ещё полезет в горло во влажной средиземноморской бане под тридцать градусов?

За время совместного обеда двое мужчин перекидывались короткими замечаниями, приглядываясь друг к другу, Николаю спешить было некуда. А венецианец с каждой минутой всё сильнее мрачнел, рассматривая собеседника и обстановку столовой. Два больших ростовых зеркала на стенах, стоимостью большей, нежели вся эскадра Фалькони. Настенные керосиновые лампы, последний писк европейской моды, огромные стёкла в окнах, которые даже в Венеции никто не покупает, настолько они дороги. Последним ударом для Федерико стал наручный хронометр на руке магаданца, с тремя стрелками, маленький, на простом тусклом, наверняка дешёвом браслете. Сеньор Кожин привычно небрежно поглядывал на хронометр, не придавая значения его немислимой стоимости. Фалькони не пытался предположить цену такого хронометра, таких часов просто не существует. Их не смогут купить даже императоры. Именно в эти минуты посланец дожа вспомнил последние напутствия главы Венецианской республики.

– Если не удастся купить этих дикарей-славян, нужно склонить к миру или уничтожить любой ценой. Пока мы в состоянии эту цену заплатить, потому что через пять лет наши мастера станут нищими, а купцы останутся без работы. – Дождь приобнял Федерико, своего племянника, и добавил: – Решение принимай сам, но это страшные люди, опаснее всех турок вместе взятых. Если мы не заставим их прекратить производство зеркал и стекла, республика погибнет.

– Позвольте приступить к серьёзному разговору, сеньор Кожин? – с непроницаемым лицом приступил к беседе Федерико, не показывая царящей в его душе паники. После молчаливого кивка магаданца, он продолжил: – Венецианскую республику очень волнует деятельность Западного Магадана, которая приносит значительные неудобства нашим интересам. Вы необдуманно снизили цены на уникальные венецианские товары, наши мастера и торговцы

несут огромные убытки. Мы считаем, что вы обязаны возместить убытки Венецианской республике и забыть все украденные у наших мастеров секреты. А ваших шпионов и мастеров, узнавших закрытые знания, нужно передать властям Венецианской республики.

– Ха-ха-ха, – не выдержал Николай, расхохотавшийся во всё горло. – Наши мастера понятия не имеют о ваших секретах, мы делаем свои зеркала и стёкла сами, уже много столетий. Просто в вашей вшивой Европе нам не с кем было торговать, и лишь последние годы мы решили проверить, как живут европейские дикари. Оказывается, вы уже перестали бегать в шкурах и драться дубинами. Так что успокойте своих мастеров, никто у них секреты не воровал.

– Нам нужны доказательства, и мы требуем допустить мастеров на ваши стекольные заводы, – настаивал Фалькони.

– Требовать вы можете лишь у своих жён. А доказывать я ничего не обязан. – Майор чувствовал, что венецианец втягивает его в скандал, и решил помочь в этом. – Так и передайте, сеньор Федерико, своим хозяевам. Как говорится, пусть берут сухим пайком.

– Вы меня оскорбили, – резко поднялся с места венецианец, положив руку на эфес шпаги, – я требую сатисфакции.

– Конечно, я к вашим услугам, – склонился в полупоклоне вставший магаданец. – Где и когда?

– Немедленно, прямо здесь, – притопнул ногой по каменной плите пола Фалькони.

– Хорошо. – Равнодушно взял из кобуры револьвер майор, направляясь к противоположной стене столовой. Зала была достаточно велика, не менее двадцати метров в длину. Когда Николай остановился у стены, развернувшись лицом к противнику, мужчин разделяли добрые пятнадцать метров, длинный обеденный стол, дюжина стульев и пара кресел. Каким бы ни был ловким наёмный убийца, а венецианец казался именно таким, преодолеть это расстояние беспрепятственно он не сможет. – Начинайте.

– Но где ваша шпага? – Удивился дуэлянт, явно не желая быть повешенным после обвинения в убийстве.

– По нашим правилам дуэлянты сами выбирают оружие. Мой пистолет в руке, начинайте.

Венецианец рванулся к противнику, перепрыгивая через обеденный стол. Револьвер в руке магаданца гулко отозвался выстрелом, восьмимиллиметровая пуля с расстояния пятнадцать метров ударила в ногу соперника. Видимо, пуля попала в кость, потому что тело от выстрела развернуло и отбросило назад, за стол. Мужчина упал, скрывшись от взора старого сыщика. Но тот не спешил приближаться к сопернику, предпочитая ждать, лишь присел на попавшийся под руку стул. Так и есть, превозмогая боль, дуэлянт поднялся с пола, опираясь руками о стол. Шпагу из правой руки он не выпускал, не сомневаясь, что его жертва после выстрела абсолютно беззащитна. Единственное, что беспокоило наёмного убийцу – жертва может убежать.

Потому Федерико спешил, опираясь о стол, приблизиться к магаданцу на расстояние удара. Николай, естественно, не собирался этого ждать и выстрелил второй раз, теперь в другую ногу, едва соперник вышел из-за стола. На этот раз сыщик прицелился точнее, да и противник двигался медленно, пуля прошла сквозь мякоть бедра. Однако и этого хватило, чтобы Фалькони упал на спину, не выпуская по-прежнему шпагу из руки. Третьим выстрелом майор выбил всё-таки шпагу из правой руки соперника, раздробив ему несколько пальцев. Четвёртая пуля попала в бицепс левой руки, только после этого магаданец встал со стула и приблизился к неудачливому венецианцу, не опасаясь броска метательного ножа.

– Если дож или республика решат вести настоящие переговоры, присылайте послов в Королевец, на Балтику. Здесь, в Средиземноморье, мы объявляем войну Венеции. С этого дня все ваши корабли, что мы встретим, будут захвачены и ограблены. А любые попытки разговора с нашими людьми будут пресекаться смертью. – Дуэлянт или наёмный убийца судорожно

кусал свои окровавленные губы, чтобы не закричать. Но сыщик не сомневался, что Федерико, или как его там на самом деле, запомнил каждое его слово и каждый шаг. – Сегодня я тебя отпускаю, ты мне понравился.

– Эй, там, – открыл окно магаданец, – кликните лекаря и двух человек с носилками. Надо гостя на галерею отправить.

Утром все пять галер из Венецианской республики отправились восвояси, увозя с собой трёх агентов Николая. Не зря же моряки с галер всю ночь пировали в портовой таверне. Старый сыщик не забыл былых навыков; как говорится, оперативники не уходят на пенсию. Он успел присмотреть наиболее перспективных типов, выбрал момент для вербовки, постановки задач, определения способов связи. Даже часть аванса вручил морякам, не сомневаясь, что приобрёл неплохих информаторов по состоянию венецианского флота. Теперь оставалось лишь продумать наиболее удобную и быструю связь с агентами, настало время настоящей, интересной работы, для которой он приехал на Кипр. Пожалуй, ради создания агентурной сети в Венеции и Северной Италии стоит отложить свой визит в Египет.

– Все корабли гяуров ушли на запад? – Мехмед-паша недоверчиво вперил взгляд в капитана фелюги, только что привезшего радостную весть о том, что весь флот гяуров, прибывших на Кипр, ушёл с острова на запад.

– Не знаю, великий, – сдержался на ногах рыбак. – Мы насчитали сто двадцать один корабль.

– Разрешите, господин, – сделал шаг вперёд начальник охраны, Саид-бек, – по моим данным на Кипре остались три корабля, под началом Николая Кожина, прибывшего из Балтийского моря. По словам информаторов, Кожин дипломат, два года жил в Швеции, потом столько же лет в Кенигсберге, столице этих гяуров. С ним остались два полка гарнизона. Других войск на острове нет.

– Самое время исполнить приказ великого визиря, захватить остров Кипр и вернуть его под сень великой империи. – Повеселел от новостей Мехмед-паша, целый месяц ждавший этого дня. После появления огромной эскадры магаданцев возле Кипра опытный адмирал не стал лезть на рожон. Старый служака нашёл многочисленные повреждения в пострадавших от шторма кораблях, которые просто вынудили его укрыться в Александрийском порту. Там войска были высажены на берег, и начался тщательный ремонт эскадры. Настолько тщательный, насколько долго задержатся магаданцы со своим огромным флотом у Кипра. Настал час окончания ремонтных работ, нужно спешить на север, к долгожданному захвату острова. – Завтра, нет, сегодня начинаем погрузку войск на корабли, через три дня всем капитанам готовиться к отплытию. Великий султан верит в нас, и мы не должны его подвести!

Спустя неделю в прибрежных водах острова Кипр появился турецкий флот, в составе сорока шести крупных кораблей и двух десятков вспомогательных шхун. Николай не стал ждать высадки десанта, направил навстречу все имевшиеся в распоряжении, после отхода флотилии, силы – три корабля и четыре катера. С единственным чётким приказом – топить транспортные суда и не зарываться, не заходить в зону выстрела орудий противника. Пятый катер остался в резерве, как и немногочисленная береговая артиллерия. Сам сыщик остался на берегу, чтобы не пропустить высадки возможного десанта и организовать его уничтожение. Сухопутная война была гораздо опасней для немногочисленного кипрского гарнизона. Хотя магаданец принял решение оставить в довесок к сменному полку из Королевца ещё полк самых обученных новобранцев. Но два полка не смогут вылавливать двадцать тысяч турецкого десантного отряда по всему острову.

С такими силами придётся сидеть в глухой обороне Ларнаки, остров окажется под контролем турок. От людей стыдно, понимаешь, что доверились магаданцам. Чем они лучше вшивых венецианцев получатся? Так что судьба острова оказалась в руках немногочисленного бое-

способного кипрского флота. Были, конечно, почти шесть десятков мелких шхун и фелюг, арендованных или купленных греческими рыбаками. Но все они были безоружными, годились лишь для перевозки грузов и рыбной ловли. Николай забрался на высокую прибрежную гору, установил там переговорный пункт, для общего руководства обороной города. Слава богу, что самоуверенный турецкий адмирал решил первым ударом смять хлипкую эскадру островитян и высадить десант прямо на городском причале. Иначе пришлось бы худо, с небольшим количеством раций организовать полный и быстрый контроль над побережьем не удалось бы точно.

Погода помогала смелым, то есть магаданцам, небольшое волнение на море не сбивало прицелы орудий, позволяло вести результативный огонь с расстояния в полкилометра. С этой дистанции и начали пристрелку три магаданских корабля, отправляя пристрелочные болванки в своих противников, идущих на всех парусах к берегу. Турки, казалось, не замечали три жалких судёнышка, пытающихся остановить целый флот. Турецкие корабли не пытались развернуться, чтобы ответить на первые вражеские выстрелы залпами бортовых батарей. Капитаны не сомневались, что пара носовых орудий у противника не успеет причинить особого вреда ядрами с такой дистанции за несколько минут, нужных для выхода на абордаж. Да и стрелять было рано, уверенный огонь турецкие пушкарники вели на дистанциях в сто-двести метров, не больше. Так что оставалось лишь ждать, слава аллаху, недолго.

Однако пушки гяуров стреляли невероятно точно и быстро, не успели передовые корабли приблизиться к магаданцам на расстояние выстрела, как сразу три взрыва разнесли бушприты трёх турецких кораблей в клочья. Повреждённые корабли резко сбавили ход и зачерпнули разбитой обшивкой морскую воду. Фактически они превратились в огромные плавающие якоря, выходя из общей атаки. Магаданцы тут же обстреляли следующие галеры, пытавшиеся отвечать из своих носовых орудий. Увы, турецкие кулеврины, стоявшие на носу галер, не могли достать врага, их маленькие ядрышки ныряли в ближайшие волны. В отличие от турок, гяуры не теряли времени зря, продолжали непрерывную стрельбу из пушек, один за другим турецкие корабли теряли ход, получая огромные повреждения. Попытки некоторых отчаянных капитанов дотянуться до противника, хоть и на тонущей галере, чтобы схватиться в абордажном бою, результата не дали.

Дьявольски скорострельные пушки магаданцев выкидывали в сторону непокорившихся врагов один-два дополнительных снаряда, взрывавшихся с ужасной силой. После таких взрывов две галеры просто переломились пополам, ещё три так просели в море, что не могли двигаться никуда. Увлечённые страшным боем передовых кораблей с противником, турки не сразу обратили внимание на четыре самодвижущихся быстроходных кораблика, охвативших голову эскадры с двух сторон. Эти катера, как их называли гяуры, неслись по морской поверхности в два-три раза быстрее любой галеры. Турки, не опасаясь таких малюток, безбоязненно подпустили катера к своим кораблям на двести-триста метров. Да и что могли противопоставить малюткам турецкие канониры? Даже при желании, ни одну пушку не успеть развернуть на необычного противника, так быстро двигались катера.

Так вот, пока турецкие экипажи азартно следили за перестрелкой, вернее, молчаливой гибелью передовых судов эскадры, катера подкрались с флангов. Охватив передовую часть эскадры полумесяцем, красующимся на турецком флаге, катера открыли огонь по кораблям противника. В отличие от больших кораблей, отстоящих от своих жертв на полкилометра, или уже меньше, катера стреляли почти в упор. Более того, турецкие корабли легкомысленно подставили им свои борты, не полностью, а в проекции три четверти. Самом выгодном для катеров положении, когда пушки противника ещё не могут стрелять, а площадь поражения для самих магаданцев почти максимальная. Потому четырём катерам не пришлось терять время на пристрелку, они били прямой наводкой, с расстояния ружейного выстрела. Практически в упор каждый катер выпустил по два фугасных снаряда в турецкую галеру.

Внимание турецкие капитаны на быстроходных «малышей» обратили после четырёх взрывов на флангах эскадры, шедшей рассыпным строем. Пока турки осмыслили причину потопления четырёх кораблей, находящихся вдали от магаданских кораблей, прошло время. Пока капитаны отдали необходимые команды, юркие катера успели достичь новых целей и обстрелять их. Весьма успешно, ещё четыре корабля сбросили ход, спуская паруса в знак поражения. Катера уже спешили вперёд, покидая участок моря, лишь минуту спустя обстрелянный ближайшими кораблями противника, с нулевым результатом. А по фронту турок продолжали осыпать градом снарядов три больших магаданских парусника, шедшие почему-то с подобранными парусами.

Внезапно быстро идущие без парусов три корабля гяуров резко свернули вправо, уходя от вырвавшихся на левом фланге атаки шести галер. Не просто свернули, а развили скорость, недоступную турецким галерам, уже уверенным в своей победе, ведь до магаданских парусников оставалось меньше ста метров. А тут они, словно простые шлюпки, разворачиваются и убегают, с каждой минутой увеличивая расстояние до атакующих турок. Более того, при бегстве гяуры умудряются стрелять по противнику, хоть реже и не так результативно, но достаточно удачно. Не проходит и пяти минут преследования, как из шести галер на поверхности моря остаётся всего одна, капитан которой командует прекратить преследование и опустить паруса. Турки начинают сдаваться. Три корабля из арьергарда флотилии ещё пытаются убежать из основной эскадры назад, в спасительный порт Александрии, но снарядов у магаданцев достаточно, чтобы показать всю безнадёжность подобных попыток.

Через полчаса после начала сражения у берегов Кипра Николай скомандовал прекратить стрельбу. Из сорока шести крупных кораблей противника невредимыми сдались лишь двенадцать, остальные медленно тонули или не подлежали ремонту. Ещё полтора десятка транспортных кораблей поменьше покачивались на волнах со спущенными парусами в знак безоговорочной капитуляции. Пришло время спасать тонущие экипажи и высаживать призовые команды на турецкие корабли. Николай отдал команду к началу трофейных и спасательных работ, а сам принимал отчёты капитанов по радио. Два магаданских парусника из трёх всё-таки пострадали, на обоих кораблях насчитали до шести пробоин от ядер, пятеро моряков погибли, ещё шесть получили ранения. На катерах повреждений не было, но трёх неосторожных канониров смыло за борт, их активно разыскивали спасатели.

Неожиданно стих ветер, наступил полный штиль, перестали греметь выстрелы, лишь стук работающих моторов магаданских катеров нарушал упавшую на море тишину. Даже раненые и тонущие турки, казалось, умолкли, наблюдая за работой спасателей. Ровных ход парусников с обвисшими парусами, в любую сторону, быстрое движение моторных катеров, без каких-либо вёсел, приводили турецких моряков в священный ужас. Некоторые из упавших за борт турок начали грести к берегу, испугавшись попасть в руки слугам ифрита. Именно с того сражения близ Ларнаки магаданские моряки получили столь популярное в южных морях прозвище – «слуги ифрита». Хотя неожиданный штиль и помешал участию в сборе трофеев береговым парусникам, спустя четыре часа все трофеи доставили к берегу, тонущих людей спасли, на волнах остались качаться обломки досок и мачт, с обрывками парусов и частями одежды погибших моряков.

Вечером на берегу подвели окончательные итоги сражения, почти двенадцать тысяч турецких солдат и тысяча моряков попали в плен. Среди них оказался турецкий адмирал Мехмед-паша и две с половиной сотни офицеров. После ремонта захваченных кораблей всех пленных вполне можно доставить в Королевец, но нужно ли? У Николая сразу возникла интересная идея: продать пленников египетскому наместнику, или не ему, а его конкуренту? Не откажется же будущий правитель Египта от хорошей армии, да ещё под командованием обученных офицеров? Отличная идея для начала взаимовыгодного диалога с египтянами. Сыщик уже пред-

чувствовал, какую замечательную интригу можно развернуть при таких картах. Осталось её продумать до мелочей и согласовать с Королевцем.

Глава 2

– Тяжела ты, шапка Мономаха, – Петро отбросил гусиное перо и отправился мыть руки, испачканные чернилами по локоть. Третий день он ломал голову над государственным устройством Западного Магадана. Куда денешься, жизнь заставила, за три года население бывшей Восточной Пруссии и Риги увеличилось в четыре раза, и какое население! Почти четверть граждан молодой страны жили в городах, работали на заводах и фабриках, развёрнутых за последние годы магаданцами. Растущая промышленность приносила огромную прибыль, две трети государственного дохода составляли налоги с продажи местных товаров. Однако численного прироста промышленников и торговцев среди местных жителей Елена Александровна не выявила. Торговали и ремесленничали всё те же, кто занимался этим годами и десятилетиями.

Новые предприятия открывали исключительно магаданцы либо прибывшие из Руси мастеровые, верившие магаданцам на слово. Местные жители, даже самые тёмные и неграмотные, не спешили открывать своё дело. Торговцам и ремесленникам, конечно, деваться некуда, они продолжали работать, но своё производство не расширяли, а заработанные деньги, образно говоря, прятали в кубышку. Когда удивлённая губернатор решила разобраться в ситуации, оказалось, виноваты сами магаданцы. Захватив власть в государстве, они практически устранились от его управления. Сбор налогов и экономическое развитие региона не заменят судебного регулирования и внятных условий ведения бизнеса. Проще говоря, народ не знал новых законов, как уголовных, так и гражданских. Какое наказание за воровство или грабёж, это не принципиально, однако, кто и кого будет судить, вопрос важный.

Раньше герцог судил дворян, дворяне судили своих крестьян, горожане подчинялись Магдебургскому праву. Привычный распорядок жизни многих поколений сломался, вернее, старожилы увидели, как магаданцы и приезжие живут по-новому. И не просто живут, а хорошо живут, лучше старожилы живут, и на предложение соблюдать прежние законы и традиции плюют и смеются. Одна одежда чего стоит, и ведь не пожалуешься наместнику, когда он сам и его жена в непотребном виде ходят. Пытались жаловаться пасторам и священникам, те сами боятся нынешнего начальства, запретившего католические и протестантские службы в общественных местах. Какое уж тут влияние на мораль и нравственность? Выслушивая жалобы делегации уважаемых горожан, Петро не знал, смеяться или плакать. Скорее, плакать, над своей простотой и скудоумием, не сообразил вовремя создать общие правила игры.

Пришлось подполковнику вместе с Павлом Аркадьевичем заниматься созданием новых, самых передовых для Средневековья законов. Где бы учитывалось всё, от престолонаследия и прав наместника до банковского процента и назначения судей. Одновременно решить вопросы защиты собственности и свободы граждан от внесудебного произвола власть имущих. Попытки свалить работу на юридически образованных сыщиков не удались, они лишь улыбнулись и сказали, что помогут искать дырки в законах, но сами законы писать не станут. Правда, сразу напомнили, что к законам необходима строгая технология их применения. Иначе, даже буквы местные умельцы начнут читать по-разному, как те же англичане и америкосы умудрились извратить буквы латинского алфавита.

В принципе, всё правильно, население Западного Магадана перевалило за полмиллиона душ обоёго пола, только горожан сто пятьдесят тысяч. На одном авторитете командиров ежедневные конфликты и споры не решить, физически не получится. А назначенные судьи нуждаются в инструкции, то есть законах и правилах применения этих законов. Экономические споры рано или поздно выйдут на скандальный уровень, значит, надо создать всем понятные условия игры. В первую очередь, защитить имущество от произвола властей, от рейдерских захватов, от жуликов и самозванных банкротов. Русскому человеку, пережившему девяностые годы и начало двухтысячных, подобные риски известны больше, чем любому европейцу.

Нет, Головлёв понимал, что идеальных законов нет, и не пытался их написать, он работал над созданием устойчивой системы противовесов и сдерживания. Представлял, как после его смерти местные жулики попытаются захватить власть, и действовал на опережение. Он ограничил количество войск, подчинявшихся лично наместнику и губернатору, ввёл выборную Думу. Однако сузил количество избирателей и возможных кандидатов высоким имущественным и образовательным цензом, как и число депутатов Думы установил в зависимости от количества избирателей. Для существующего статьисячного Королевца по его схеме получалось восемь человек. Достаточно для нормальной работы, а не голого популизма. Причём Думе придавалась своя армия, небольшая, но независимая от наместника. И подчинялась она не просто назначенному командиру, а думскому большинству, подтверждаемому письменно.

Не забыл наместник вопросы собственности и защиты личности. С принятием нового основного закона, Петро своевременно назвал его Конституцией, всякое рабство и холопство в Западном Магадане запрещалось. Нарушители приравнивались к татам, уголовникам, и подлежали высылке в Мурманск. Дворянам оставалось право владеть землями, требовать арендную плату за земли и НАНИМАТЬ людей на работы, а не требовать отработки барщины, как сейчас. За это с дворян «милостиво снимали обузу», в виде уплаты налогов за крестьян, рассмотрения жалоб и тяжб в качестве судей. Однако, управляющего фактора дворяне не лишались, им вменялась в обязанность защита подданных от разбойников и врагов, кураторство над школами и соблюдение порядка на своих владениях. За это всем владельцам земель выплачивалось неплохое содержание от наместника, доходы позволяли. Сумма финансирования была пропорциональна количеству жителей на территории поместья.

Так Петро попытался избавиться от крепостничества и заинтересовать дворян в создании комфортных условий для крестьян, чтобы увеличить возможности заселения страны. Ещё дворяне получали право содержать свой отряд, строго привязанный по численности к количеству арендаторов. Ссориться с дворянством наместник не собирался, не пришло ещё время для этого. Зато попытался подложить мину под институт сельской общины, дав право сельским старостам выделять в «распоряжение губернатора» нерадивых односельчан. Тех, кто не может или не хочет платить свою долю налогов. Подполковник не испытывал иллюзий в отношении тех, кого выделит староста – сирот, многодетных семей, просто неудобных или скандальных односельчан.

Потому и закрепил аналогичное право за самими крестьянами, во-первых, каждые десять лет выбирать нового старосту под присмотром местного дворянина. Во-вторых, при желании выделиться из общины, любой крестьянин имел право обратиться к своему дворянину или непосредственно к губернатору. Которые обязаны были помочь выделиться из общины, не имели права отказать в помощи. Тогда крестьянин получал возможность подать в суд на все власти. Суд, кстати, Петро решил создать из трёх судей. Одного назначал наместник, другого назначал губернатор, третьего выбирали дворяне общим собранием. На полумиллионное население должно хватить двух судейских составов, выбранных или назначенных пожизненно, либо до потери работоспособности. Обжаловать решения суда мог любой взрослый мужчина наместнику.

Это основные положения тех статей, что обдумывал наместник, с ужасом ожидавший правки Елены Александровны, самой серьёзной инстанции. Он не мог предположить, что сама губернатор точно так же нервничает в ожидании критики наместника. Елена Александровна в эти дни занималась не менее насущными и важными проблемами. А именно – созданием библиотек, музыкальных школ, оркестров, архивов, сохранением культурного наследия России и двадцать первого века. С помощью Ларисы и Ольги, в детстве закончивших музыкальные школы, губернатор обучила местных музыкантов нотной грамоте. Затем наняла девушек и парней записывать и обрабатывать все стихи и песни, что напевали и могли вспомнить старые магаданцы.

Первым итогом деятельности бывшего завуча стало воссоздание государственного гимна Западного Магадана, на основе старого советского гимна с переделанным текстом. Дальше пошло веселее, знаменитые марши и вальсы, песни и танцы, строительство танцевальных площадок, духовые оркестры. К осени 1580 года Королевец и Рига превратились в самые музыкальные города Европы. На улицах звучала музыка, старые советские песни и джаз, блюз и рок-н-ролл, марши и вальсы слышны были каждый день. Слава богу, средств на все новшества хватало с избытком, доходы от ограбления Константинополя покрывали любые проекты на несколько лет вперёд. С песней же, как известно, жить становится веселее, и обучение аборигенов магаданскому языку шло быстрее и легче. Благо, пианолы уже существовали, а созданием первого фортепиано были озадачены студенты университета.

Именно Елена Александровна инициировала создание первого магаданского банка, изначально как службы, отслеживающей выданные переселенцам кредиты. Затем, с ростом благосостояния страны, количество кредитов росло, назрела необходимость выделения банка в отдельную организацию. С расширением функций, как по выдаче кредитов, так и по контролю возврата взятых обязательств. Кроме того, денежный дождь, обрушившийся на магаданцев в последние годы, требовал вложения заработанных средств, чтобы деньги не лежали в сундуках, а работали. Банк логично привёл к созданию биржи, благо многие европейские купцы имели понятие о такой форме закупок. А Первый Национальный банк Западного Магадана получил право торговли в интересах государства на бирже. Причём процентная ставка в банке оказалась самой низкой в шестнадцатом веке, смешно представить, десять процентов годовых на взятый кредит.

В Европе, оказывается, все кредиторы меньше двадцати пяти процентов годовых не брали. А средние займы давали под пятьдесят процентов, находились умельцы и на сто процентов годовых, в дальних деревнях. Потому появление банка с невероятно низкой ставкой все восприняли истинной сказкой. Особенно жулики, эти типы появились не в двадцатом веке, а существовали всегда и везде. Однако в условиях маленького государства навести справки о любом человеке довольно легко. Отследить поведение должников ещё легче, при наличии грамотно организованной Николаем фискальной службы. Кроме того, все кредиты выдавались банком исключительно в связанном виде, отправлять серебро и золото за границу магаданцы не собирались.

Желающий получить кредит торговец, промышленник, дворянин или крестьянин подробно указывал, что и где он будет приобретать, по каким ценам. Банк выдавал письменные обязательства на указанную сумму, именные, где были указаны и данные продавца и покупателя. После завершения сделки продавец получал необходимую сумму непосредственно в банке, в обмен на банковские векселя. Конечно, нашлись умельцы, попытавшиеся надуть банк путём фиктивных сделок, но страна небольшая и служба безопасности не зевала. Так что особого ущерба банк не понёс, а количество шахтёров за Полярным кругом увеличилось, что лишь послужило дополнительной рекламой банку и связанным кредитам.

Умельцев, пытавшихся взять кредиты под любые проценты, в нищей Европе оказалось больше чем достаточно. Даже из далёкой Франции прибывали торговцы, графы и бароны, особенно при распространении слухов о небывало низких процентах. Что говорить о соседях – поляках, шведах и прочих немцах, толпами осаждавших кредитных клерков. Однако руководство банка, как и все магаданцы, были поставлены в жёсткие условия – никаких наличных денег в кредит, особенно иностранцам. Кто берёт деньги под развитие своего дела, пусть заказывает оборудование магаданским промышленникам. Если купцам нужны оборотные средства, пожалуйста, покупайте у магаданских торговцев. Хочешь подарить жене дорогие украшения – к твоим услугам лучшие ювелиры Европы, из Львова, Варшавы, Данцига и самого Стамбула, из которых в Королевце набралась небольшая улочка в центре города. Благо, ювелиры работали в своеобразных шарашках, почти на свободе, но очень ограниченной свободе. Ну, а коли хочешь

просто взять деньги и свалить из страны, извини – подвинься, получишь сухим пайком. Пусть магаданские кредиты развивают магаданскую промышленность. Естественно, вдвое или втрое выросли заказы на магаданские товары, как традиционные, вроде селёдки, янтаря и поделок из него, изделий из железа и стали, так и на новинки. Начиная от «губернаторской рыбы», прославившейся среди моряков, заканчивая многочисленными просьбами продажи ружей и пушек.

После обсуждения магаданцы решили начать свободную продажу ружей, пользуясь их популярностью. Рано или поздно конкуренты смогут создать патрон с капсюлем, а проданные ружья без патронов до той поры опасности не представляют. Формально в двадцать первом веке любая самая отсталая страна, хоть африканская, хоть азиатская, может производить своё оружие и патроны для него. Чеченцы, вон, в девяностые годы свой автомат «Борз» сварганили. Однако быстро убедились, что по признаку «качество – стоимость» их изделие никуда не годно. Потому и закупают оружие разные арабы, негры и прочие малайцы в России и США, что купить, даже втридорога, выгоднее и быстрее, нежели наладить производство самим.

– Пусть покупают наши ружья, чем пытаются сделать их сами, – подытожил Петро, удивившись, что все участники совещания с ним согласны. – Будут ружья в свободной продаже, да ещё в центре Европы, как сейчас, мало у кого из власть имущих появится желание разворачивать их производство. А мы, во-первых, получим выход на все европейские страны, где будем желанными партнёрами. Во-вторых, продавая часть оружия в кредит, получим возможность влияния на политику соседних государств. Не обязательно прямым давлением на правителей, сколько самой возможностью свободного передвижения по Франции, Голландии, Священной римской империи и прочим европейским странам. Худо-бедно, правители этих государств будут заинтересованы в хороших с нами отношениях. Наши представители же смогут сманивать от соседей не столько крестьян, как сейчас, что бегут от голода и нищеты. Мы сможем наладить настоящую утечку мозгов, заманивая толковую молодёжь на учёбу, грамотных ремесленников на работу.

– Да-да, – подскочила Елена Александровна, – сейчас в Европе множество непризнанных гениев, которые нуждаются в нашей помощи. Многие великие учёные и художники живут в нищете, думаю, не откажутся работать с нами. Пусть, к примеру, художники и скульпторы живут на родине, но продают нам свои работы, по контракту.

– Отлично, – потёр руки Павел Аркадьевич, – давайте составим списки нужных людей и общие рекомендации по вербовке тех талантов, что умерли в неизвестности в прошлой истории. А мы, при переговорах с иностранными послами, отстоим право «помощи» любым гражданам, вплоть до вывоза их из страны за наш счёт.

– Да, ещё бы в переговорах согласовать выпуск и бесплатное распространение наших газет, – Валентин не забывал о пропаганде, о необычном доверии жителей шестнадцатого века к печатному слову. – И обучение аборигенов магаданскому языку и письменности. Мол, для укрепления дружбы и сотрудничества мы откроем бесплатные школы, а лучших учеников отправим на учёбу в Королевец и Ригу.

– Нормально, это будет не так дорого, – прикинула Елена Александровна стоимость предложений и успокоила своих коллег. – Газеты будем печатать здесь, развозить по странам раз в месяц, пока достаточно, дальше посмотрим. Устраивает?

– На первое время сойдёт. – Кивнул головой военврач.

Стоимость ружей для всех взяли не с потолка, их высчитывали средним арифметическим среди лучших образцов аркебуз, мушкетов и прочих пищалей средневековья. Себестоимость магаданских ружей была самой низкой, благодаря применению поточного производства, массовой штамповки и неизвестных пока технологий закаливания и легирования. Формально даже торговля оружием с Русью и Швецией по льготным ценам давала неплохую прибыль, более двадцати пяти процентов. Однако самые примитивные пищали и мушкеты шестнадцатого века стоили гораздо дороже и, подрывать средневековую конкуренцию не имело смысла.

Голь, как известно, на выдумки хитра, кто знает, на что пойдут оружейные мастера при резком снижении доходов? Вполне вероятно, что обострённый мыслительный процесс подстегнёт развитие технологий.

Магаданцам подобных трудовых подвигов не нужно, пусть оружейники Средневековой Европы получают свою прибыль, работают неторопливо и живут сытно. На ближайшие годы им заказов и доходов хватит, а там посмотрим, как говорил вождь мирового пролетариата. Потому продажную цену для европейцев на ружья определили на уровне обычных мушкетов, но, с учётом необходимости приобретения патронов, общая стоимость покупки выходила выше, нежели обычного оружия. Ничего страшного, отбоя от покупателей не было и при подобных ценах, наполовину выше, чем для Руси и Швеции. Добрая половина прибыли от продажи магаданских ружей уходила в бюджет страны и столицы, но и самим мастерам оставалась отличная прибыль, значительно выше, чем при торговле с Русью и Швецией. Так что интерес в росте производства и снижения издержек оставался немалый.

Пушки магаданцы пока не продавали, приостановили их поставки Швеции и Руси. У шведов скопилось сто двадцать стволов орудий, русские купили двести восемь пушек. Вполне достаточно, учитывая, что шведы не воевали, а Иван Грозный так и не заключил полноценного военно-торгового соглашения. Возможности продажи артиллерии практически отсутствовали, шло активное перевооружение кораблей и довооружение вновь выстроенных и захваченных судов. Первые магаданские пушки нуждались в замене в силу изношенности стволов, их повреждений, из-за чего падала прицельная дальность стрельбы. Хотя практичная Елена Александровна предлагала оставить снятые с вооружения орудия на складах. В крайнем случае, их можно недорого сбыть мелким оптом. Таких пушек набиралось до сотни.

Русское посольство сидело в Королевце три месяца, не переставая удивлять своими неординарными предложениями и поступками «старых» магаданцев. Порой Павел Аркадьевич и Петро подозревали посла князя Вельяминова в извращённом тонком издевательстве. Чем иначе объяснить странные требования посла и сопровождающих его православных монахов, касавшиеся самых разных сторон жизни совершенно чужой страны? Возможно, русские представители считали всех православных своими родственниками, потому и требовали, как с родных детей? Но некоторые их претензии переходили любые границы. Началось, естественно, с упреков в ереси и прочем пособничестве дьяволу, малой любовью к православной церкви и неправильным, редким посещением храмов.

Путём логических рассуждений Павлу Аркадьевичу удалось избежать церковного противостояния, сославшись на протестантов и католиков, те, мол, ещё хуже нас. Кроме того, присутствие греческих и крымских монахов странным образом осадило наиболее принципиальных критиков магаданского образа жизни среди русских монахов. Видимо, желание приобщить паству к русской православной церкви натолкнулось на конкуренцию в виде патриархата формально более высокого уровня, Константинопольского. С которым, спорить монахи не стали, поскольку русская православная церковь в эти годы сама была не совсем легитимна, действовала на самовольных условиях. Посещение семинарии, с огромным по меркам средневековья, количеством студентов, их нагрузка и участие в обучении самого наместника как-то сгладили общее русское возмущение. Остались несогласными несколько монахов, но, после их отказа работать в семинарии, магаданцы развели руками и на церковные подначки не поддавались. Мол, сами нас не учите правильной жизни, так не давайте советов, выучимся своими силами, не хуже католиков.

После фиаско в религиозном направлении русские послы принялись критиковать другие стороны жизни магаданцев, вплоть до устройства скандалов на улицах. Конечно, короткие юбки и женские джинсы стали красными тряпками для быков, вернее, для монахов и пожилых дьяков и бояр. Почему-то возмущение «русских партнёров» вызвала невинная игра в футбол, купание на пляже небольшими компаниями магаданских детей и молодёжи, в плавках

и купальниках, естественно. Затем обструкции со стороны русского посольства подверглась музыкальная составляющая магаданской жизни, обучение детей рисованию. Дальше больше, боярам и боярским детям «невместно стало терпеть» такие еретические изделия, как зеркала, башенные часы с боем, спортивные площадки и воздушный шар, привезённый из Крымского похода. Воздушный шар который год вызывал зависть и удивление у большинства приезжих, каждое утро, в хорошую погоду, поднимаясь над городом. Шар раскрасили в цвета радуги, полосами, видными за многие километры от города, особенно красиво смотрелся радужный шар в ясный день с прибывающих кораблей.

Попытки Павла Аркадьевича и Петра решить с послом Вельяминовым регулярно возникающие скандалы путём уговоров и разъяснения ситуации не принесли успеха. Видимо, подобное поведение магаданских руководителей русские восприняли их слабостью и обнаглели напрочь. Дошло до того, что князь Вельяминов потребовал принесения магаданцами вассальной клятвы Руси, в виде крестного целования и просьбы принять под руку царя. Тут пришлось вмешаться Елене Александровне и правами губернатора запретить русскому посольству выход с отведённого поместья. Любые переговоры магаданцы прекратили, продолжая, впрочем, снабжать послов продуктами и дровами. Пришлось дать срочную радиogramму в Москву, с приказом отправить купленные на Руси товары внеочередным караваном в Ригу, а охрану Магаданской компании усилить. От продажи русским властям пушек и ружей торговым представителям Петро рекомендовал временно отказаться, оставив лишь поставку патронов и снарядов. Сослаться при этом на нехватку оружия самим, под предлогом военных действий в Средиземном море, пусть русские послы оправдываются и делают выводы.

За все три месяца Вельяминов так и не нашёл времени предложить магаданцам военный союз, озабоченный больше соблюдением православных традиций да выяснением, чей царь выше – магаданский или русский. Конечно, руководители Западного Магадана предполагали нечто подобное, но, реальность превзошла все ожидания. Неудивительно, что у Руси за тысячелетнюю историю было так мало союзников, а те, что были, предавали и обманывали. При таких дипломатах, странно, что вообще кто-то общался с Русью. Так что планы совместных военных действий на благо Руси по освобождению Крыма пришлось закинуть в дальний ящик. И укреплять союз со Швецией, к счастью, становившийся всё более выгодным экономически, особенно в свете возвращения флотилии из Средиземного моря.

Вновь в Западном Магадане началась суматоха расселения нескольких тысяч новых подданных, выделение земель селянам, трудоустройство горожан, закупка у магаданских и шведских торговцев зимней одежды и обуви. Поставки строевого леса из шведской Финляндии и шведской Польши, закупка в шведских южных землях пшеницы и овса с ячменём выросли в два-три раза. При таких оборотах жалкая попытка шведского дворянства, недовольного растущим влиянием магаданцев, воздействовать на короля Юхана провалилась, не начавшись. Тем более что магаданский представитель в Стокгольме не переставал озвучивать поддержку короля и не стеснялся намекать всем знакомым шведам, что любая попытка свергнуть «друга Юхана» принесёт шведским торговцам и ремесленникам огромные убытки, а дворяне-заговорщики пополнят ряды шахтёров в Мурманске, возможно, прямо с семьями. Магаданцам верили, а король Юхан, предупреждённый о подобной реакции дворян, подливал масла в огонь, громко мечтая о возможности конфискации владений у мятежников, в королевскую пользу, разумеется.

Кроме Швеции, весной 1580 года у Королевца появился второй военный союзник – Священная римская империя германской нации. Представители императора Рудольфа долго торговались, выпрашивая денег и преференции, согласились, однако, на предложения Петра. Явно намереваясь нарушить заключённый мир при удобном случае, но иного магаданцы и не ждали от будущих австрийков. Достаточным результатом подписанного договора стали подтверждённые новые границы Священной римской империи и Западного Магадана, по разным берегам

Вислы от Данцига на юг, до границ имперцев со шведской Польшей. Разумеется, передача острова Руяна под власть Королевца. Взамен императорские представители получили право закупать беспрепятственно в Королевце ружья, патроны и прочие магаданские товары. Брать какие-либо обязательства о совместных военных действиях магаданцы отказались, делить будущие захваченные территории тоже не стали.

Аргументы у Петра были железные – Священная римская империя никаких земель у турок не отобрала за полвека, а магаданцы уже захватили остров Кипр и ограбили Константинополь. Под это дело представители императора даже подписали отказ от претензий на любые действия магаданской армии в Крыму и на черноморском побережье. Видимо, посчитав синицу в руке лучше журавля в небе, пусть магаданские солдаты бьют турок где угодно, Вена всё равно в выигрыше останется. Договор получился куций, но само отсутствие конфликта допускало немецких купцов на магаданский рынок, а император Рудольф Второй сразу заказал десять тысяч ружей с патронами. Кои магаданцы обещали отгрузить не позднее ноября 1580 года, сразу после доставки в Королевце авансового платежа в половину стоимости товара. Что характерно, никаких инструкторов имперские послы не попросили, для освоения нового оружия, а магаданцы не стали навязывать свои услуги.

Едва успели распрощаться с имперцами, прибыли послы Венецианской республики, получив привет от Николая. Как всякие торговцы, вели себя выдержанно, улыбались, что на фоне мрачных русских и австрийских послов выглядело небывалым шиком. Однако над каждым пунктом союзного договора представители дожа торговались с необычайной изворотливостью. Напирая не столько на военные действия, сколько на торговые преференции. Услышав предложение официально перейти в православие и признать магаданский язык государственным, после чего таможенные пошлины будут непременно обнулены, вежливо согласились подумать. Так что кроме разрешения закупать на общих основаниях ружья и прочую продукцию, Венеция ничего не получила. Что характерно, как раз ружья жители островного государства закупать особо не желали, уговаривая Петра на приобретение пушек. В силу невозможности покупки орудий, военный союз получился пустым. Кроме общих фраз о совместных в будущем действиях против турок, Петру удалось втиснуть мелким шрифтом строчку о безоговорочном взаимном признании ВСЕХ захваченных у турок территорий. Венецианцы, как ни странно, проглядели такое добавление к союзному договору, отбыв домой с подписанным договором.

За ними явились французы, представители двора короля Генриха Третьего, успевшего побывать шесть лет назад королём Польши, известного многим по произведениям Проспера Мериме и Александра Дюма. Узнав, что враги французской короны – австрийцы и венецианцы уже заключили союз с непонятными магаданцами, король Франции, вернее, вдовствующая королева – Екатерина Медичи, прислали своих представителей. Ввиду ограниченности в средствах, французы ничего не покупали и в союзы не приглашали. Зато рьяно принялись копать под уже заключённые союзы с Венецией и Священной римской империей. Учитывая, что королева-мать прославилась или ещё прославится именно отравлениями, всем магаданцам пришлось усилить меры безопасности. И они не ошиблись, наружное наблюдение за врачом посла выявило подозрительные контакты со служащими и поставщиками двора наместника.

Места встреч лекаря с магаданскими служащими удалось оборудовать прослушивающей аппаратурой, хоть и не такой миниатюрной, как в покинутом будущем, но для аборигенов незаметной. Анатолий, решивший тряхнуть стариной, провёл разработку возможного преступления аккуратно и чётко. На всякий случай, он оборудовал прослушкой и покои французского посла, а также самого лекаря. В результате незначительных обмолвок, с точностью записанных на бумаге переводчиками, удалось не только пресечь отравление Петра и Елены Александровны, но и выявить потенциальных отравителей. Более того, захватить посредника

с переданным ядом, после чего осталось лишь раскрутить цепочку, уже известную наружному наблюдению.

И предать преступников, шпионов и отравителей суровому и справедливому суду. Местные отравители отправились на виселицу, их семьи в ссылку в Мурманск.

Французский посол был объявлен персоной «нон грата», вместе со всеми сопровождающими лицами. Кроме лекаря, которого наместник потребовал выдать для немедленной показательной казни. В чём, естественно, магаданцам было отказано, а французы быстро удалились. Они и не подозревали, что неудачный отравитель и его французские сообщники к моменту отъезда давно и прочно завербованы Анатолием.

И в отдалении за французским посольством следует небольшой караван магаданского резидента, одного из лучших контрразведчиков Королевца, отправившегося в Париж под видом шведского торговца. Магаданцы не забывали раскидывать агентурные сети по всем доступным столицам и странам. Причём, все резиденты имели в запасе пару раций достаточной мощности, небольшую инструкцию с возможным развитием событий в стране обитания и вариантами действий магаданцев.

После бесславного отъезда французов магаданская газета должным образом осветила суд над отравителями, изобличив королеву-мать и всех французских правителей в её лице. А листовки, с обвинениями католиков в преступлениях, пополнились недавними событиями, начиная с отравления матери Генриха Наваррского – Жанны, странной смерти короля Карла Девятого, заканчивая попыткой отравления магаданского наместника Петра. За три года распространения миссионерской православной литературы Европа оказалась наводнена подмётными листками, известными не только грамотным людям, но и последним неграмотным крестьянам. Большинство из них давно бы стали православными, но не хотели бросить нажитое имущество. Хоть невеликое, да своё. Что не мешало ежедневно прибывать в Западный Магадан десяткам беглецов в поисках лучшей доли, правда, лишь из бывших земель Речи Посполитой. Зато их не надо обучать языку, по-русски все разумели, а лёгкое пришепётывание в речи будущих белорусов никого не смущало.

Прибыли в Королевец союзники шведов – датчане, но как-то удивлённо, словно не зная, чего они сами хотят. Нет, своё желание они высказали сразу – подружиться с Западным Магаданом и купить пушек, стреляющих далеко и мощно. Однако, когда магаданцы в ответ попросили обнулить пошлины для своих кораблей, вынужденных регулярно платить за пользование проливами, датские послы задумались. И вскоре отбыли восвояси, видимо, посчитав выгодным сохранить пошлины от богатейших магаданских товаров, нежели покупать пушки. Даже золотые пушки, при таком раскладе, получались гораздо дешевле утерянной выгоды. А магаданцы начали работу с балтийскими странами и ганзейскими городами, склоняя их к международному съезду по обсуждению «справедливых правил» выгодной торговли. Пяти последних лет оказалось достаточно, чтобы многие европейцы убедились в выгоде беспошлинной торговли на примере Западного Магадана и Швеции, как минимум, для самих шведских торговцев, промышленников и покупателей.

Елена Александровна, именно она стала инициатором будущего съезда представителей городов Балтийского побережья, понимала, что ничего сразу решить не удастся. Торговые пошлины составляли серьёзную статью дохода именно торговых городов и большинства европейских стран, кроме Руси и Западного Магадана. Губернатор на отмену торговых пошлин и не рассчитывала, по крайней мере, сразу. Но она хотела на подобном съезде заронить в головах королевских представителей многих стран идею о свободном мореплавании без всяких проездных пошлин. Торговые пошлины пусть будут, пока, а проездные сборы и пошлины, особенно в море, где не надо мостить дороги, требуется убирать. Учитывая, что подобные сборы брали лишь две европейские страны – Дания и Турция, идею, вполне возможно, удастся вдолбить в средневековые умы.

Комбинация была рассчитана на годы вперёд, в свете предстоящего развития событий, в ближайшие пять-десять лет датский король Фридрих выстроит крепость на берегу пролива и взвинтит провозные пошлины. Магаданцы собирались немного повоевать с датчанами, если дела пойдут, как в прежней истории. Так пусть европейские страны заранее подготовятся к поддержке несправедливо обиженных балтийских и магаданских торговцев. Тогда, возможно, и захватывать датские острова не придётся, пусть сами их караулят, бесплатно. В таких международных игрищах прошло всё лето 1580 года, заполненное строительством, налаживанием новых технологий и расселением новых граждан.

В начале сентября Николай передал по радио, что спровоцировал в Египте гражданскую войну, удачно пристроив турецких пленных солдат под нужное командование. Согласовал с Еленой Александровной закупочную цену на пшеницу, после чего отправил пять тысяч тонн отборной египетской пшеницы, из Александрии в Королевец, вокруг всей Европы.

Почти три десятка египетских галер и каракк, грузённых свежим зерном, вместо Константинополя отправились в сопровождении трёх магаданских парусников в Балтийское море. Сам сыщик остался на Кипре, провести тёплую зиму в курортных условиях. При этом он попросил Елену Александровну и Петра подготовиться к весенней экспедиции в Средиземное море. Не самим, конечно, а выстроить бараки для освобождённых рабов и отремонтировать корабли.

Удачное морское сражение, казалось, окрылило майора полиции. Он на быстроходных катерах терроризировал побережье Анатолии всю средиземноморскую зиму, захватывая пленных целыми селениями. Благо, трофейного зерна больше, чем достаточно оказалось для выгонки своего топлива. Любой русский человек знает, как получить самогон, хоть из зерна, хоть из сгнивших яблок или слив. Султан Мурад, занятый в победном персидском походе, видимо, не получал правдивых известий от своего визиря. Иначе, чем объяснить отсутствие турецкого сопротивления против действий магаданцев? Кипрские полки не только вывозили всё население прибрежной Анатолии и грабили селения. Они сжигали опустевшие дома и посева, превращая турецкое побережье в пустыню.

В ноябре 1580 года чудом выживший после налёта на Константинополь верховный визирь Оттоманской империи получил новое письмо от Николая. Передали его турецкие торговцы, встретившие кипрских пиратов неподалёку от Архипелага. В письме магаданец повторял свои предложения турецкой стороне – отказаться от поддержки крымских татар, снять с них вассалитет и всё! Кипр, конечно, магаданцы Турции не вернут, но пиратские действия в Средиземноморье прекратят. Может, и дружить начнут, чем аллах не шутит. Быстрого ответа, если он вообще последует, Николай не ждал, продолжая резвиться на средиземноморском побережье. Из личного состава двух полков и освобождённых из турецкого плена сербов, греков, болгар и казаков, решивших послужить магаданцам, к зиме Кожин сколотил настоящую пехотную бригаду в три тысячи штыков.

Для освобождённых из плена казаков пошили форму, как у всех магаданских бойцов, с небольшим изменением – лампасами на брюках. Лампасы неширокие, голубого цвета, но сама возможность выделиться грела душу казакам лучше всякой награды. Этим пижонам и франтам отдельная форма пришлась по душе, а дерзкие вылазки Николая упрочили его авторитет среди профессиональных воинов. Несмотря на это, майор продолжал отрабатывать различные варианты действия своих отрядов. Конечно, тыловые стражники турецких городков не заменят настоящих янычар, но отрабатывать окружение врага можно и на них. Тем более, что в каждом полку появился взвод лучших стрелков, вооружённых нарезными винтовками. Эти снайперы проходили дополнительное обучение, начиная от тщательной маскировки до умения выявлять офицеров противника за считанные секунды. С последующим их уничтожением в первую очередь.

Казачи входили в каждый полк ротой разведки, все они владели турецким языком, знали обычаи, внешнею не отличались от турок и греков. А заподозрить кого-либо из простых донцов и запорожцев в предательстве невозможно. Предают обычно трусливые и богатые, кому есть что терять. Казачи прошли плен, галерные скамьи, многие потеряли близких и друзей. Потому действовали в тылу врага, как волки в овчарне, нагло и дерзко, без сантиментов. Именно то, что нужно было майору от своих бойцов. Впрочем, на тренировках и частых вылазках всем приходилось туго, Николай приучал солдат к заботе о безопасности при чётком выполнении приказа. Гонял парней в хвост и гриву, воспитывая универсальных бойцов, способных действовать быстро, жёстко, нетривиально, маневрировать и партизанить лучше любых партизан.

Сам Николай впервые работал вместе с казаками, не стеснялся их спрашивать, советоваться перед рейдами. И правильно делал, советы казаков раскрывали психологию турецких стражников, помогали понять логику противника. Именно казаки, кстати, предложили захватывать в плен всех жителей прибрежных селений, кроме старух и стариков. В своё время их деды и прадеды таким способом привозили себе невест и работников из туретчины. Сказки писателей о работающих казаках давно вызывали сомнение у Николая, на Кипре он убедился в этом из первоисточника. Запорожская Сечь и донские казаки не гнушались добычей живого товара, не столько для продажи, сколько для рабочих рук. Ну, не будет же казак пахать землю или пастись скотину? Так что за полгода Кожин натаскал свою бригаду, сдружился с бойцами и командирами, а те обучились чётко применять самое передовое в шестнадцатом веке оружие. Недостающее оружие, носимые рации и запас боеприпасов доставили три магаданских корабля, в середине января вернувшиеся с египетской торговой флотилией в Александрию. После довооружения корпуса Николай не сомневался, что его бойцы в состоянии справиться с любой разумной армией противника, до двадцати-тридцати тысяч солдат, и, при удобных обстоятельствах, до сорока тысяч врагов.

Египтяне не могли нарадоваться на затяжной, но весьма выгодный маршрут, из которого они привезли не рабов, которых и без того хватает в Средиземноморье. Нет, из столицы далёкого Магадана, где так выгодно продали пшеницу, финики и прочие дары юга, александрийские купцы привезли оружие. Много хорошего оружия, купленного весьма недорого, – сабли, ножи, наконечники стрел, кирасы и шлемы. А также редкие на юге товары: янтарные украшения, дорогую бумагу, огромные стёкла, маленькие зеркальца, ибо большие запрещает Коран. И, самое главное, заказы на следующие партии пшеницы, фруктов и прочего, включая хлопок и перевозку турецких рабов с острова Кипр. Уже в феврале, несмотря на зимние штормы, все запрошенные товары и двадцать тысяч захваченных кипрскими пиратами в Анатолии рабов – турецких мужчин, женщин и детей – отправились на египетских кораблях в благословенный Западный Магадан. Как всегда, в привычном сопровождении трёх парусно-винтовых кораблей, пополнивших вооружение двумя дополнительными орудиями. Так что египетскую флотилию охраняли не девять пушек, а все пятнадцать орудий, из них шесть длинноствольных, с дальностью прицельной стрельбы до полутора километров. И, что характерно, у магаданцев появилась возможность попрактиковаться в боевых условиях. Уже на выходе из Архипелага растянувшуюся флотилию догнали два десятка галер, отправленных турецким наместником. Это позже рассказали выловленные из ледяной воды немногочисленные турецкие моряки. Поскольку опытным пушкарям не составило труда разбить в щепки шесть галер на дистанции свыше пятисот метров. Глядя на тонущих товарищей, турки передумали преследовать египетских торговцев. А магаданские канониры лишней раз заработали премию.

Глава 3

– Дорогой, нам надо серьёзно поговорить, – Татьяна присела на соседний стул рядом с мужем, Игорем Гловым, «отцом» магаданской электроники. Мужчина побледнел, испугавшись неожиданного тона супруги. А женщина продолжала высказывать накопившееся на душе за последние годы. – Игорь, нам уже за сорок лет, дети растут, пойдут внуки, а жить на что?

– Но я неплохо зарабатываю, ты же знаешь, рации закупаются по высокой цене, денег у нас больше чем достаточно. Счёт в банке неплохой, – хриплый голос мужчины становился с каждым словом всё увереннее. Прокашлявшись, инженер продолжил: – Побойся бога, Таня, мы одни из самых богатых людей Королевца! Чего тебе мало?

– Я хочу уверенности в будущем благополучии наших детей. У всех дети давно завели свои дела, а наши всё при тебе, помощниками работают. – Женщина выдохнула и начала перечислять давно подготовленные аргументы. – Посмотри, Нина, жена Павла Аркадьевича, – владеет добрым десятком столовых, все оптовые закупки продуктов через неё идут. Даже Елена Александровна часть продуктов для города у Нины закупает.

– Так у неё самые качественные продукты, где ещё закупать?

– Правильно, а у Ларисы Головлёвой своё ювелирное производство. И обе они сами зарабатывают, а не сидят на шее мужей. Причём деньги им не Елена Александровна или Петро платит, деньги им покупатели несут. Они своим заработком не зависят от заместника или губернатора и при любой власти останутся богатыми. В отличие от нас, полностью зависимых от власти, что ты, что я, – оба работаем на государство. Ты делаешь рации, которые заранее принадлежат стране, я делаю станки, которые никому не нужны, кроме нас самих. У нас нет ничего, что не принадлежит государству.

– Но, милая, государство – это все мы. Не только Головлёв, но и мы с тобой. Не думаешь же ты, что Петро или Николай с Валентином могут нас предать? – Удивлённое лицо радиотехника выражало полное непонимание жены.

– Нет, конечно, не думаю. – Татьяна, наконец, подобралась к цели своего разговора, преодолевая многословие, так свойственное женщинам. – Нам нужно своё дело, свой источник дохода, независимый от государства. Не дай бог, какой кризис, или Петро с Еленой погибнут, или мы, в конце концов, умрём. Чем будут зарабатывать на жизнь наши дети? Хорошо, Максим с Никитой могут рации делать, но кому они нужны будут в этом средневековье? Да и рации на коленке не сделаешь, нужны стеклодувы, чистые сплавы, деньги для налаживания производства.

– Ничего не понимаю, – искренне попытался вникнуть в суть разговора Игорь. – Производство налажено, всё работает, куда это всё может деться?

– Повторяю ещё проще, – едва не плакала Татьяна, – нашим детям и внукам нужен собственный доход, не связанный с государством. Представь, дети заместника после нашей смерти выгонят твоих детей из города или страны. Тогда что? Чем они хлеб заработают? Не забудь, у нас четверо детей, Максим осенью женится, скоро внуки пойдут. Короче, я хочу, чтобы у каждого ребёнка был свой отдельный вид деятельности, своя возможность заработка.

– Но я тут причём, – извечная интеллигентская робость дала себя знать. Глов определённо не хотел понять, чего от него добивается жена. – Пусть заводят свои дела, мы поможем.

– Какие?! Что им можно предложить?! – Едва не кричала Татьяна, взбешённая непонятливостью мужа. – Я и пришла к тебе, чтобы ты придумал, что они могут делать на свободную продажу, и научил наших детей этому. У тех же Ветровых есть своё золотое дно – стёкла и зеркала. Их в любой стране купят, даже в Африке. Придумай и ты нашим детям и внукам подобное производство, простое, востребованное и прибыльное. Чтобы на всех хватило и они не поссорились лет через тридцать.

– А, так вот чего тебе надо, – с облегчением догадался, наконец, мужчина. – Дорогая, не волнуйся, всё будет, как в лучших домах Лондона и Парижа. Нашим детям мы оставим самое прибыльное дело из всех самых прибыльных. Сейчас придумаю, сейчас.

Видимо, аналогичные беседы провели жёны остальных магаданцев, иначе, чем объяснить небывалый расцвет инженерной и творческой мысли летом 1580 года? Именно тогда в столице появились первые телефоны, граммофоны, примитивные велосипеды, начались опыты по дельтапланеризму. Объединённые семьи Сусековых, Корнеевых, Глотовых наладили мелкосерийное производство подшипников, приступили к вытяжке медной проволоки различного диаметра, намереваясь заняться производством электрогенераторов. Корнеевы застолбили за собой направление электросварки и газорезки, а Сусековы замахнулись на производство электродвигателей разных типоразмеров.

Глядя на них, неожиданно вмешались в творческий процесс Головлёвы, наладив производство колючей проволоки. Достоинства нового изделия моментально оценили садоводы и скотоводы, закупавшие излишки продукции, первое время шедшей исключительно на оборонные цели. Правда, Петро честно показал всем магаданцам расчёты себестоимости продукции, зарабатывая на колючке, только двадцать пять процентов свыше рентабельности. Не отставали от Головлёвых Седовы, Валентин наладил выпуск нужных медицинских инструментов. Причём не только всяких скальпелей и ланцетов, но и стеклянных шприцев со стальными поршнями, иглол для них. Наняв под это дело ювелиров и кузнецов, доставленных из Турции, как пленённых турок, так и освобождённых рабов. Полторы сотни медсестёр и медбратьев к тому времени работали в Западном Магадане, в основном в сельской местности. Среди них Валентин и набирал себе учеников, обучая использованию новых инструментов.

Запас медикаментов в массовом пользовании был минимальный, но йод, эфир, спирт и травяные сборы применялись активно. Причём Западный Магадан оказался, пожалуй, единственной страной средневековой Европы, где лекари не боялись обвинения в колдовстве. После нескольких подобных обвинений и даже попыток самосуда все обвинители и примкнувшие к ним обыватели были жестоко выпороты, оштрафованы за глупость и наглость, а наиболее ретивые отправлены за Полярный круг. Сельские старосты, поместные дворяне, и прочие представители любого уровня власти, были настрого предупреждены о неприкосновенности лекарей, которые ещё с прошлой зимы занялись прививками оспы, не мог Валентин пройти мимо такой популярной процедуры. Теоретические представления о получении вакцины военврач имел, а полугодом лабораторных исследований хватило для начала работ по массовой прививке от оспы, этого бича средневековой Европы.

Во избежание бунтов и массовых волнений, прививать стали с себя, своих детей, дружинников, освобождённых пленников, всех тех, кто был близок к магаданцам. Чтобы народ считал прививку своеобразной наградой, за верную службу, заботой о жизни близких людей. Народ не так глуп, как представляют это интеллигенты, не выезжавшие за пределы Садового кольца. Люди приняли вакцинацию, благо никакого насилия не применяли. Не хочешь прививать детей – будешь хоронить их, какие родители не поймут? Были и отказники, но крайне редко, и за год-другой все жители Западного Магадана привились от оспы. С потоком пленников и освобождённых рабов из Крыма и туретчины, пришлось создавать карантинную службу. Там к прививке от оспы добавилась вскорости прививка от кори, не считая прочих гигиенических процедур, вроде вшивогонки, глистогонки и лечения кожных болезней. Валентин не забыл, что по дорогам средневековой Европы ходят прокажённые, озаботился созданием нормальной пограничной охраны. И третий год небольшой коллектив толковых медсестёр вёл работы по получению антибиотиков на базе пенициллина, сетуя на отсутствие микроскопов.

Поэтому в состав медицинских инструментов вошли микроскопы, чашки, пипетки и прочее оборудование. Благо вывезенные из Константинополя ювелиры умели шлифовать линзы и работать стеклотудами. Все старые магаданцы торопились воспользоваться мирным временем

для разворачивания самых требуемых производств. Мастерские, возглавляемые инженерами или их детьми, росли летом 1580 года, как на дрожжах. Подросшее поколение аборигенов, обучившихся в школах языку, письму, математике, основам физики и механики, вступило в самый азартный возраст – от двенадцати до восемнадцати лет. Мальчишки и отроки, воодушевлённые победами и трофеями магаданцев, мечтали о создании нового оружия, невиданных инструментов, о путешествиях и завоеваниях. Один воздушный шар над городом чего только стоил!

Всё это, на фоне рассказов об открытиях новых земель за океаном, полных золота и серебра, создало небывалый приток рабочих рук в мастерские, как старые, так и новые. А первые полёты дельтапланов над заливом, пусть и неуклюжие, с падениями и ушибами, подстегнули изобретателей лучше всяких уговоров. Почти ежедневно наместнику и губернатору приходилось выслушивать прожектёров, просивших средства и помещения под свои планы. Благо опыт развития техники помогал отсеивать заведомо ложные направления и выбирать жемчужные зёрна перспективных планов в навозных кучах самых разных предложений. Особенно благосклонны были наместник и губернатор к различным механикам, подбирая мастеров для организации нормального часового производства.

И дождались, сразу два механика-самоучки – Фёдор Лычка и Михель Таненбаум – пришли со своими проектами механических игрушек. Один планировал выстроить часы, показывающие фазы луны и восходы солнца, другой на базе башенных часов предлагал выстроить настоящий театр, с солдатами и пушечками, чтобы те двигались и даже стреляли. Пригласив обоих мастеров к себе, Петро едва не захлебнулся слюной, такими сладкими ему казались собственные речи. Рассмотрев принесённые умельцами образцы собственных творений, наместник первым делом обещал полную поддержку их начинаниям, государственное финансирование и размещение их творений на центральной площади. Долго хвалил мастеров, обещая им славу, почёт и уважение, после чего, подливая кофе и чай, стал выспрашивать об их учителях, наставниках и коллегах.

Своими вопросами и сожалением, что нет подобных мастеров или более умелых механиков, Петро довёл изобретателей до белого каления. Оба стали буквально кричать, что они лучшие в своём ремесле в Королевце, да и всей Европе, пожалуй. И в состоянии справиться с любой задачей по механической части. Тут их наместник и взял «на слабо», выложив на стол механические наручные часы Павла Аркадьевича, взятые под честное слово не разбирать механизм. Убедившись, что механики поняли, что за предмет перед ними, подполковник снял заднюю крышку часов и показал механизм мастерам. Всяческие поползновения потрогать и разобрать, конечно, были сразу пресечены, но добрых полчаса мастера могли любоваться на движение пружин и шестерёнок внутри механизма.

После того, как часы были закрыты и возвращены на стол, механики полностью отдали себя во власть коварного наместника. А Петро приступил к настоящей, содержательной и спокойной беседе, затянувшейся до вечера. Разговор продлился на следующий день, с участием приглашённых металлургов, подтвердивших возможность выплавки стали любых характеристик. Через два дня в Королевце была создана очередная секретная мастерская на территории дворца наместника, где Михель и Фёдор приступили к созданию точных хронометров, столь необходимых для мореплавания. Эти работы, без ограничения в массе хронометра и его размерах, мастера обещали закончить за год. Причём, наместнику удалось втолковать самоучкам, что ему нужно массовое производство точных хронометров, а не уникальная вещьца в единственном экземпляре. И навязать в помощники шесть молодых механиков из цеха станкостроения.

Если Лычка и Таненбаум смогут поставить на поток производство хронометров, не менее трёх штук в неделю, Петро пообещал отдать им в монопольное право изготовление карманных и наручных часов на десять лет и разрешить изучение часов Павла Аркадьевича, без разборки.

Последний пункт договора вдохновил будущих часовщиков сильнее всего, при всех замашках будущих хозяйчиков, парни оставались выросшими детьми, верящими в чудеса. Командиры поддержали Петра, соглашаясь, что недорогие и точные хронометры морякам Западного Магадана крайне нужны, без них об освоении Северной Америки можно забыть. Путь через океан – это не каботажное плавание вдоль берегов Европы до Кипра, возможность точного определения долготы в Атлантике спасёт немало жизней.

Изготовление лампочек накаливания различной мощности и размеров Петро оформил курсовым проектом для студентов университета, создав ради такого случая целую лабораторию. Как ни странно, основными заказчиками лампочек стали моряки, требовавшие скорейшего создания прожекторов для круглосуточного плавания. Просили они давно, но Петро поддался на обещания Глотова, убедившего заместителя, что вот-вот изготовит локатор. Увы, с электронно-лучевой трубкой начались сложности, и локатор обещал долго ждать. А регулярные рейсы торговых кораблей в Мурманск, Холмогоры и на Кипр просто требовали максимальных скоростей оборота грузов и людей. Добиться которых, в свою очередь, без круглосуточного движения судов, становилось трудно, особенно в условиях полярной ночи. Пришлось искать единственный выход – идти в ночное время при свете прожекторов, всё лучше, чем стоять на якоре до рассвета.

Глядя на активные «происки» технарей, развернувшихся в столице на полную катушку, Елена Александровна с подружками-учителями начала ревновать к росту популярности заместителя и примкнувших к нему инженеров. По своей культмассовой привычке бывший завуч решила перехватить инициативу путём проведения массовых мероприятий. Не только среди детей и юношества, как обычно, но и среди переселенцев. Благо, многие из них не успели обзавестись семьями и хозяйством, вечерами и в выходные дни были свободны. Чего и требовалось для госпожи губернатора, развернувшей свою фантазию в лучших традициях двадцатого века.

Начиная с августа до декабря 1580 года в Королевце, Риге и остальном Западном Магадане, сначала молодёжь, затем и остальной народ, лихорадило от обилия массовых мероприятий, до той поры невиданных. Начали с различных соревнований – первенство по пендалю (футболу) и лапте среди дворовых команд, соревнования по стрельбе из лука и ружья, по бегу на сто и тысячу метров, по прыжкам и плаванию. Всё это с массовым участием, дорогими призами, освещением в печати. Дальше – больше, вошедшая в азарт губернатор и её набравшиеся опыта педагоги – пионервожатые, – развернулись по полной программе. Мальчишкам только дай возможность пострелять – для них Елена Александровна, на базе прошедших соревнований, развернула движение «Готов к труду и обороне», выпустив за счёт губернаторства тысячу первых значков трёх степеней. Несложный комплекс из пяти дисциплин включал в себя бег, плавание, подтягивание, стрельбу и метание гранаты. Надо ли говорить, как популярны стали все эти упражнения среди молодёжи?

Девочки и девушки привлекались к изучению простейших навыков оказания первой помощи, для них изготовили медальон «Сестра милосердия». Вроде мелочь, но на средневековом фоне, когда не только женщины и девушки, даже мужчины в общине или в большой семье, до сорока годов не имели своего голоса, на фоне главы семьи – отца или деда, такие знаки отличия просто взорвали общество. В первую очередь, воспрянула духом молодёжь, увидевшая, что парней и девушек ценят за умение, а не за возраст или происхождение. Конечно, возникли скандалы, драки, побег из дома и прочая суета, которую священники, учителя и лекари пытались максимально сгладить. Пришлось строить в столице интернат для изгнанных из дома и беглых пионеров, а губернатору и заместителю выдерживать скандалы и жалобы их родителей.

Но беспощадные педагоги на этом не останавливались, они развернули работу с молодёжью в лучших традициях страны советов. Осенью старшие пионеры разъехались по дерев-

ням и весям, помогать в обучении детей и желающих взрослых. Благо, во всех селениях уже были подростки, выучившие магаданский устный и письменный. Такая помощь официально получила благословение магаданской православной церкви, которая сама существовала на птичьих правах, фактически в виде секты, не подчиняясь ни одному патриарху. Нет, формально патриарх Западного Магадана Николай, из киприотских греков, поверил рассказам Петра и Елены Александровны о существовании магаданского православного патриарха где-то далеко на востоке. Но, скорее всего, понял, что лучше быть самозванным патриархом церкви в Западном Магадане, чем безвестным монахом на Кипре. И активно принялся за миссионерскую работу, переписываясь с недовольными коллегами в других патриархиях, приглашая толковых и честолюбивых, мыслящих священников в Королевец, на преподавательскую работу.

Планы магаданцев заселить и христианизировать Северную Америку, с миллионами обращённых язычников – новых прихожан, Николай знал. Наверняка не сомневался, что после таких успехов сможет добиться прощения официальных патриархов и даже официального патриаршего сана для себя. Благо, возраст у главы магаданской церкви был подходящий – едва за сорок лет. Вполне проживёт ещё лет тридцать, чтобы увидеть результаты своих трудов. Потому с официальным созданием поста настоятеля Западного Магадана работа самих миссионеров и их обучение резко усилились. Петр приходил на лекции уже не каждую неделю, а пару раз в месяц, проверяя настроение и выучку будущих крестителей Америки. Правда, никто из прихожан особо такими подробностями не интересовался, церкви работают, мёртвых отпевают, живых крестят, молодых венчают, чего ещё надо простому мужику? Тем более, что церковную десятину никто не собирал, православные христиане и обычные налоги не платили в первые семь лет, лишь креститься успевай справа налево. За неполные пять лет хозяйствования магаданцев в бывшей Восточной Пруссии, особенно в сельской местности, днём с огнём невозможно было отыскать католиков или протестантов. В городах ещё сохранились упёртые старики, не желавшие менять отцовскую веру, можно подумать, их предки стали католиками до рождения Христа.

Крестьяне же перешли в православие «дружно и с песней», под угрозой изгнания из общины или из деревни и лишения земельного надела. Нет, угрожали не представители власти, а сами соседи, не собираясь пускать сборщика налогов в вёску. Все знали характер мытарей, если будет собирать налог с соседа, будь ты сам трижды от налогов освобождён, к чему-нибудь привяжутся. Или просто курицу со двора уведут, или козу, мол, соседскую прячешь. А так получалось, что вся деревня православная, староста на том крест целовал, дьячок подтверждал. И в эту вёску семь лет никакие мытари не зайдут, если соседи не заложат, мол, католики появились. Потому и соседей старались вокруг себя только православных держать, иным давали от ворот поворот. Идите куда хотите, но в нашем уезде одни православные живут, никаких мытарей нам не надо, не вздумайте поселиться рядом.

Отправляя молодёжь в деревни, Елена Александровна ставила задачу отбора толковых ребят. Под предлогом рождественских соревнований по стрельбе и лыжным гонкам, в декабре 1580 года в столицу съехались сотни молодых парней из деревень и вёсок. Вернее, пришли на лыжах, страна небольшая, сто-двести километров на лыжах для деревенского парня не проблема. Место для расселения заранее было известно – часть бараков для беженцев зимой пустовала. Там парней вымыли в бане, определили на казённые харчи, пропарили одежду от насекомых. Ну, а за неделю до православного рождества наместник и губернатор нашли время и возможность показать молодёжи все новинки молодой страны. Начиная от самих соревнований по стрельбе из ружей, катания по незамерзающему заливу на самоходных катерах, концертов и танцев под неслыханную музыку. Заканчивая экскурсиями по не секретным производствам, поднятием на воздушном шаре над городом, показательными выступлениями дельтапланеристов и многим другим, чего в глухих деревнях и представить невозможно, того же горячего душа или рыбных консервов.

Нет, никого из участников соревнований не агитировали перебираться в город, умные сами догадаются, дураки не нужны. Главным итогом импровизированного молодёжного съезда была агитация за магаданскую православную церковь, самую правильную, передовую и скромную. А как вы думали? Десятина церковная отменена, народ на семь лет освобождён от налогов и поборов, барщину отменили, оброк сняли. Худо-бедно, люди в силу стали входить, кредиты опять же от наместника и губернатора, почти без процентов. Детей бесплатно грамоте обучают, счёту, землю почти всем прирезали, у кого мало было. Строевой лес разрешили рубить бесплатно, народ строиться начал. Картошку привезли, что в любое лето уродится, людям есть приятно, да и скотина мелочь хорошо жрёт. А то, что пленных из германских земель пригнали, да из туретчины бывших рабов привезли морем, так бояре и князья завсегда людей гоняют да голодом морят. Эти же магаданцы честь по чести земли всем пригнанным нарезали, работу дали, лучше, чем раньше стало.

Так что, когда после рождественских соревнований деревенские подростки вернулись домой, уже без друзей-пионеров, оставшихся дома, количество агитаторов на селе за лучшую жизнь не уменьшилось. Рассказанные детьми небылицы настолько возмутили отцов и дедов, что до весны в Королевце побывали мужики из всех окрестных и дальних селений. Мрачно смотрели на самодвижущиеся катера, катавшие горожан и приезжих купцов по замерзающему заливу, крестились, подымая глаза на воздушный шар, разрисованный всеми цветами радуги, давно ставший символом новой столицы. Любовались на строящиеся дворцы, с огромными оконными проёмами, частично застеклёнными. Гуляли по улицам старого и нового города, разговаривали с мастерами и рабочими. Хмыкали, глядя на цены в торговых лавках, не решаясь, что выбрать в подарок родным, так разбегались глаза от обилия недорогих товаров. Тем более что магаданская православная церковь объявила зеркала обычным товаром, не дьявольским искушением, а средством сохранить чистоту и женскую красоту. И все приезжие мужчины считали своим долгом купить недорогое маленькое зеркальце, раз это не грех, пусть жена с дочерьми побалуется.

– Степь да степь кругом! Путь далёк лежит! – недовольно гудел под нос Петро, развалившись в санях. Третий час он возвращался в столицу с полигона, где принимал на вооружение два катера последней модификации. Шестнадцати метров в длину, с двумя пушками стомиллиметрового калибра, с противооткатными гидравлическими устройствами. Двухмоторные и двухвинтовые катера развили при испытаниях скорость сорок километров в час, с прицельной дальностью стрельбы в два километра, дальность хода на полной заправке достигла тысячи километров. Заправочные базы для катеров береговой охраны были устроены через каждые полсотни километров, от Риги до острова Руяна на южном побережье Балтики и на северном берегу от Стокгольма до берегов Финляндии. С такими базами Балтийское море превращалось во внутреннее море трёх стран – Магадана, Руси и Швеции.

Да, Русь, Русь, похоже, что-то сдвинулось в русско-магаданских отношениях. Не зря князь Вельяминов попросил срочной встречи. Ну, да, третьего дня в столицу гонец из Москвы прибыл, видимо, инструкции привёз. Добрых полгода сидело русское посольство в отведённом подворье, не показывая носа. Магаданцы стали забывать, грешным делом, о блюстителях нравственности, окопавшихся в Королевце. И тут просьба о срочной встрече. Чёрт, каких-то сорок километров приходится почти день добираться. Может, задуматься о железной дороге, хотя бы в окрестностях столицы? Тогда сорок километров за час, если не быстрее, проскочил бы. Попробовать, что ли? Наместник прикрыл замёрзшее правое плечо дохой и продолжил заунывную песню.

– В той степи глухой замерзал ямщик! – Николай тронул кобылу коленями и покачнулся в седле, когда та послушно ускорила шаг. Два полка кипрского гарнизона двигались следом. Три батальона на конях, остальные пешком, в сопровождении батареи восьмидесятимилли-

метровых орудий. Бывший сыщик поёрзал на седле, устраиваясь удобнее, так и не привык он к седлу, хотя положение обязывает, командир не может идти пешком, не поймут.

Февральская степь в Крыму оказалась на удивление холодной, даже снег не везде сошёл, а ветер пронизывал насквозь. Тогда, больше месяца назад, после получения просьбы о помощи от Москвы, магаданцы не знали, чем помочь. Царь Иван сообщал о движении татарской орды из Крыма на Москву, по слухам, доходившей до сорока тысяч всадников. Петро, после обращения князя Вельяминова, не сразу придумал, как оказать реальную помощь русскому войску, собиравшемуся в окрестностях Тулы. Отправлять свои пять полков на Русь смысла не было, там и без того стрелков хватает, да и с пушками у стрельцов всё нормально. Те двадцать стрелецких полков, что были вооружены магаданскими ружьями, вполне способны разгромить любую татарскую орду. Но как не воспользоваться случаем, чтобы овладеть Крымом? Раз и навсегда закрыть полуостров от врагов, поселить там русских и православных крестьян из тех же бывших невольников. Как смог Петро убедить князя Вельяминова, трудно сказать, но тот согласился на предложенную подполковником тактику. И лично отправился в Москву, в сопровождении офицера связи, уговаривать царя.

Узнав о результатах переговоров по радиосвязи, Николай, зимовавший на Кипре, оставил «на хозяйстве» один полк кипрского гарнизона. Сам же, не дожидаясь решения Москвы, направился с двумя другими полками и двумя батареями пушек, в Крым. Плыли на разнокалиберных посудинах, в расчёте на будущие трофеи в виде освобождённых рабов и захваченных татар. Из магаданских судов были только три, вооружённых пятью пушками каждое, парусно-винтовых судна. Те самые, что потрепали турок на траверзе Ларнаки. В обороне острова остались пять катеров, вполне достаточно для береговой охраны. Весть о согласии царя Ивана Грозного на совместную операцию по освобождению Крыма Николай получил на подходе к Босфору. В Дарданеллах никаких сюрпризов не возникло, Андреевский флаг был слишком хорошо известен всем турецким мореходам.

В Босфоре небольшая флотилия тоже не встретила никакого сопротивления, более того, в гавани Константинополя спешно подняли огромную цепь, перегораживающую вход в бухту Золотой Рог. Турки давали понять, что просят их не трогать, а остальное власти не волнует. Так что, вскоре два полка магаданцев, состоящие из бывших православных невольников, в том числе запорожских и донских казаков, высадились на южном побережье Крыма. Без какого-либо сопротивления реквизировали в городах, ещё не забывших прежнего налёта, коней и гужевой транспорт, загрузили на повозки боеприпасы и продукты, прицепили артиллерийские лафеты к самым сильным коньягам. Затем отправились зачищать крымский полуостров от басурман, не забыв о продуктах и проводниках. Карты Крыма у магаданцев были, хотя и трофейные, трёхлетней давности, но достаточно подробные. Ещё до высадки каждому батальону была определена своя территория ответственности, приданы радисты. Потому к операции приступали сразу, без шума и пыли, едва высадившись на берег.

Некоторые солдаты, в основном казаки, неплохо ориентировались в местах кочевий крымских татар. Да и городские греки не упустили возможности заработать, показывая наиболее удобные пути подхода к кочевьям. К тем самым кочевьям, откуда пару месяцев назад ушли практически все мужчины в набег на Русь. Восемь батальонов разбились на полуроты, широким неводом охватывая зимнюю степь и предгорья. Задачи стояли простые – двигаться на север, уничтожая всех рабовладельцев, кроме малолетних детей и симпатичных женщин. То, что не получится захватить, как трофеи, беспощадно сжигать и уничтожать. Чтобы выжившие, успевшие сбежать и спрятаться татары не смогли найти себе пропитания и крова в заснеженных горах и степях.

Вопросов солдаты Николаю не задавали, многие из них прошли крымские дороги своими босыми ногами, с колодкой невольника на шее. Потому татарские селения вырезались с беспощадным спокойствием, независимо, будут там рабы или нет. Впрочем, рабов находили

езде, хоть одного-двух да находили. Потому пленных татар практически не было, лишь дети от года до шести-семи лет. Да редкие симпатичные девушки; женщины-кочевницы стареют быстро. В тридцать лет жена кочевника уже старуха, которую никто не купит, потому и брали солдаты самых молодых девушек, остальных равнодушно резали. Так же равнодушно казаки сжигали юрты, сакли, арбы и прочее дешёвое барахло.

С собой магаданские отряды забирали скот, продукты да повозки с самым ценным имуществом, оставляя позади себя столбы серого дыма, раздуваемого переменчивым февральским ветром. Отряды с пленными детьми, освобождёнными рабами и трофейным скотом регулярно уходили к побережью, откуда спешили вернуться назад. Так, шаг за шагом, со скоростью двадцать-тридцать километров в день, магаданцы зачищали территорию полуострова, координируя свои действия по радию. Несколько панических попыток избиваемых кочевников напасть на магаданские полуроты отрядами в двести-триста всадников успеха не принесли. Не зря Николай тренировал бойцов в Анатолии, солдаты действовали без всякого волнения, спокойно, но осторожно. Быстро занимали оборону, методично выбивали лучших татарских лучников из ружей, затем добивали бегущих татар выстрелами в спину. За первые три недели ни разу не пришлось применять пушки. А трофеи не переставали поступать на побережье, куда приплыли купцы со всего Чёрного моря. Турки и греки, венецианцы и болгары спешили купить по дешёвой цене трофейное имущество, скот и самих пленных татар, особенно девушек и женщин с грудными детьми. Их даже бывшие татарские рабы щадили, на детей рука не поднималась.

Часть скота по заранее достигнутой договорённости нейтральные торговцы перевозили на Кипр, туда же отправляли детей, как недорогой товар, кражей которого торговцы рисковать не станут. Симпатичных девушек магаданцы не спешили отправлять на берег, многие солдаты и офицеры обзавелись молодыми рабынями, выполнявшими обязанности служанки и наложницы. Николай не переставал удивляться психике девушек-кочевниц, настолько воспитанных в традиции рабской покорности мужчине, что замена одного хозяина другим абсолютно не мешала им подчиняться с житейской смекалкой и непосредственностью. Буквально через пару недель после пленения девочки-татарки хвастались друг перед другом красивыми одеждами и украшениями, ссорились из-за очереди на водопой. Вели себя так естественно, что посторонний человек и не догадался бы об их недавнем пленении и убийстве всей родни.

Как бы полуроты магаданцев ни двигались медленно, но пришлось ещё задержаться на захват трёх городов, расположенных вдали от побережья. Там удалось немного пострелять и пушкарям, вспомнить тактику боя в городе. Только там появились первые раненые среди бойцов, и двух человек убили. По их же собственной неосторожности, как согласились офицеры после анализа потерь. В городках задержались на пару дней, отправили трофеи к побережью и продолжили неторопливое движение на север. До конечной цели пути, до Перекопа, оставалось не больше ста вёрст, когда по радию пришло сообщение о разгроме татарской орды под Тулой и бегстве почти десяти тысяч кочевников на юг, домой.

Николай дал команду собраться всем в один отряд и поспешил на север, к Перекопу. Крепость необходимо было захватить до подхода отступающих с севера татар. Благо, расстояние до Перекопа было в пару дневных переходов. Зрелище, которое предстало перед магаданцами через эти два дня, поразило своей непосредственностью и сюрреализмом. Все подходы к крепости с юга на расстояние в добрых два-три километра были запружены стадами овец, коз и лошадей, десятками и сотнями установленных посреди огромного блеющего стада юрт. Целые демонстрации женщин и детей стояли у стен крепости, умоляя пропустить их на север. Гарнизон Перекопа, видимо, считал, что женщины и стада создадут препятствие штурмующим магаданцам. Потому и прикрылись никчёмные вояки женщинами, как живым щитом. Увы, их ожиданиям не суждено было сбыться.

– Батареи, к бою, – показал рукой на рубежи развёртывания Николай, в трёх километрах от стен крепости. С такого расстояния пушкари пока не стреляли, хотя дальность орудий позволяла. Потому разворачивались не спеша, измеряя горизонтальность уровнем и тщательно окапываясь. Конные бойцы не теряли времени, отогнали ближайшую часть стада от крепости в сторону, не пытаясь приблизиться к крепости на расстояние выстрела из турецкой пушки. Пехота отдыхала, невольницы разбивали палатки, разжигали костры, готовили обед, не моргнув и глазом.

Спустя полчаса пушкари начали пристрелку, внимательно фиксируя попадания пристрелочных болванок. С пятого выстрела, поймав цель в узкую вилку, приступили к бомбардировке крепости фугасными снарядами. Сначала разнесли ближайшую стену, рассыпавшуюся, как песочный кулич. Затем перенесли огонь в глубь крепости, перемешивая всё живое и стреляющее с саманным кирпичом. Вскоре Николай приказал прекратить огонь, дав отмашку на общее выдвижение вперёд. Одна батарея осталась на месте, прикрывать наступление. Пушки другой весело подхватили бойцы приданной роты прикрытия, накатывая колёса лафетов в сторону полуразрушенной крепости. Николай ещё постоял на бруствере, пока не убедился, что сопротивление на стенах оказывать некому, а передовые отряды вошли внутрь крепости, и отправился обедать.

Его невольница уже приготовила шурпу и крепкий чай, самое то, чтобы смыть резкий запах пороха и пыли с пересохшего горла. Кожин уселся в тени установленного денщиком шёлкового шатра, взятого в качестве трофея на чьей-то стоянке. С этого места ему отлично было видно всё происходящее у стен крепости и часть действий отрядов внутри Перекопа. Дуя на горячий бульон, майор вылавливал ложкой в своей чашке куски мяса, заедал их обильно зеленью, не хуже иного кавказца. Утолив голод, принялся пить поостывший крепкий чай, недалеко ушедший по крепости от чифира, наслаждаясь горьковатыми глотками ароматного настоя. К этому времени из ворот крепости вышел знаменосец и несколько раз взмахнул флагом, обозначая окончание боя. Крепость была захвачена полностью, наступило самое неприятное – уничтожение стариков и старух. Сорокалетних стариков и тридцатилетних старух. Самое обидное, выбора не было, выгнать татар за стены, в поле, означало предать их голодной смерти, без скотины и крова над головой в февральской степи не выжить.

Оставить крымских татар в Крыму Николай себе позволить не мог, тем более, он бывал на полуострове в девяностые годы, видел разгул крымско-татарского бандитизма. Помнил рассказы деда, воевавшего в этих местах во время Великой отечественной войны, сколько красноармейцев крымские татары забивали насмерть сами, отдавая немцам только офицеров и документы убитых красноармейцев. Читал книги о партизанах в Крыму, скрывавшихся от татар сильнее, чем от немцев, «Крымские тетради» того же Ваупшасова. Будет через четыреста лет война или нет, но татар в Крыму Николай оставлять не собирался. Да и его солдаты не испытывали никаких сомнений, убивая своих врагов, отцов своих врагов и жён своих врагов. Почему крымчаки грабили Русь со времён Батыея до Екатерины Второй? Со времени похода крымского хана Гирея, захватившего и сжёгшего Москву, не прошло и десяти лет. Надо полагать, татары не терзались сомнениями – убивать русских баб, детей, или нет. Почему их враги должны думать иначе? Шестнадцатый век на дворе, как ни крути, не до гуманизма сейчас, все исповедуют принцип «Око за око, зуб за зуб». Николай стряхнул с себя слабость и поднялся, направляясь к крепости.

Русское войско было в паре недель пути от Перекопа, а быстро бегущие татары могли появиться гораздо быстрее. Предстояла скучная и привычная работа по очистке развалин, по организации оборонительных рубежей. Всё-таки встречать озверевших десять тысяч бойцов с парой полков не так и весело, следует продумать все нюансы обороны. Времени, впрочем, достаточно, бойцы и командиры опытные, боеприпасов хватает. В том, что крымский перешеек удастся удержать, никто из солдат не сомневался, а эпохальность события понимали все.

Не только бывшие татарские пленники, но и ветераны из сибирских татар, убедившиеся на практике, как Русь разгромила очередных потомков Чингисхана. Гибель Сибирского ханства нынешние магаданские офицеры, составлявшие костяк командиров в новых полках, видели сами, радуясь, что вовремя поступили на службу к сильному магаданскому наместнику, избежав позора поражения. И крымских татар бывшие сибирские татары не считали своими родственниками, впрочем, они и своих бывших родичей – сибирских татар – вырезали бы с таким же азартом. Времена были средневековые, когда клятва верности значила сильнее кровного родства, а вероисповедание заменяло национальность. Командиры же, как и все бойцы в магаданском войске, были исключительно православными.

Теперь все действующие лица крымской зачистки понимали, что Русь вместе с магаданцами уничтожила ещё одного своего врага – Крымское ханство. Пусть в степях северного Причерноморья остались несколько десятков кочевий крымчаков, их гибель или подчинение Москве – вопрос времени. Крым, служивший татарам защитой от казачьих и ногайских набегов, теперь не укроет малочисленные стойбища, некому защищать Перекоп. Более того, укрепившись на полуострове, русские войска, особенно поместная конница, с удовольствием почистят северное побережье Чёрного моря. Дворянам нужна добыча, а в Крыму её почти не осталось, стараниями магаданцев. Так что поместная вольница будет добирать себе рабов и трофеи в степях Приазовья. Недолго осталось гулять кочевникам по южным степям.

Даже турки не спасут своих вассалов, как и предполагали магаданцы, когда ввязывались в сражение за Крым. И не потому, что Константинополь несколько напуган магаданцами, не потому, что султан связан военными действиями в Азербайджане и Персии. После захвата Крыма Русью турецкие крепости Керчь и Азов теряли своё стратегическое значение. Всё турецкое присутствие на Азовском море становилось под угрозой, а власть над Крымом, образно говоря, накрывалась медным тазом. Нет, конечно, турки могут попытаться вернуть себе Крым, но именно «себе». А турок в прежнем Крыму было немного, жили и претворяли турецкую политику в жизнь раньше татары и немногочисленные греки. Сейчас, даже при условии поражения русских войск и отступления их из Крыма, что само по себе невероятно, выполнять указания турок на полуострове будет физически некому. Самых же турок не хватит для заселения опустевших земель, их и на более плодородные земли Болгарии, Валахии и Трансильвании не хватает.

К тому же правители Османской империи отлично понимали, что любые попытки возврата Крыма наткнутся на сопротивление магаданцев, весьма удачно расположившихся на Кипре. От этого средиземноморского острова до Константинополя несравнимо ближе, чем от Москвы до Крыма, а турецкий флот оставляет желать лучшего после нескольких крупных поражений от магаданцев, надёжно защитить столицу и прочие прибрежные города подданные султана Мурада, не смогут, при всём желании. Нет, магаданцы не собирались вмешиваться в политику отношений Руси и Порты, но оказывать незримое давление на решения султана они намерены. И Петро с Николаем не сомневались, что попыток вернуть себе Крым в ближайшие годы, как минимум, турки не предпримут. Дальше пусть царь Иван сам решает, удержит Крым или нет. Помочь Руси магаданцы всегда рады, но проблемы Руси пусть решают цари и бояре.

И без того магаданцы подарили Ивану Четвёртому благодатный край, уничтожили вековых врагов Руси. Жаль, что придётся отдавать Крым в чужие руки, но тысячу раз уже обсуждали магаданцы между собой, что самим удержать полуостров не получится. Полезных ископаемых там нет, выхода на европейские рынки прямого нет. А летние пляжи и тёплое море в достаточном количестве и на Кипре имеются, если не лучшего качества. Потому, как бы ни было жалко, Крым магаданцы передавали Руси без каких-либо условий. Как говорится, лишь бы взяли. Тем более, что турецкая крепость в Керчи оставалась на месте, да и Азов оставался турецким. Так что у Руси хватит проблем с турками, пусть их решают профессиональные дипломаты. Хотя, судя по Вельяминову, решать будут долго.

Глава 4

– Елена Александровна, куда мне всех селить? – взмолился управляющий городским имуществом, православный немец Фёдор Вайсберг, глядя на Чистову. – Все восемь усадеб, что под посольства выделены, уже заняты. А тут турки приехали и казаки, да сегодня утром передали, что завтра испанское посольство прибудет. Хоть в чистом поле шатры разбивай, благо погода тёплая.

– Давай, так сделаем, – губернатор подошла к окну кабинета и засмотрелась на портовую бухту, заполненную полусотней кораблей, между которыми резво сновали лодки и парусники, развозившие грузы и людей. Причалы, выстроенные два года назад, оказались малы, могли одновременно принять не больше десятка судов. Елена Александровна подумала, что осенью придётся расширять причалы, как минимум вдвое, и сразу кирпичные строить, чтобы через десять лет не менять. – Да, сделаем так, турок сели в мой старый деревянный дворец. Обстановка там осталась, распорядись вымыть полы и пыль протереть. Казаков отправь на подселение к Петру, в новом дворце места достаточно, я сейчас ему позвоню. А испанцев завтра ко мне, в новый каменный дворец, в северное крыло. Южное крыло ещё не достроено, но я там умещусь. Понял?

– Анюта, дай мне наместника, – через пять минут подняла трубку телефона губернатор, проводив управляющего из кабинета. Телефоны уже полгода производили предприимчивые отпрыски Глотова, под чутким руководством самой Татьяны. Смотрелись они не хуже первых телефонов девятнадцатого века, трубки из моржовой кости, медные детали блестят, провода изолированы просмолённым шёлком. Дорого, конечно, но дешевле зеркал и пользы больше. – Петро, я распорядилась запорожцев к тебе в новый дворец подселить, не возражаешь? Да, конечно, братья и всё прочее, но, охрану усиль, пожалуйста. Хорошо, вечером, в шесть, буду у тебя на встрече. Турок пока поселим у меня в старом дворце, согласен?

– Кто бы подумал, что «вся Европа в гости к нам», – машинально подошла к ростовому зеркалу и поправила причёску губернатор. Затем отдернула шторку на стене, рассматривая красочную карту современной Европы, от Уральских гор до Оловянных островов. Карта была секретной, поскольку повторяла истинные очертания Европы, а не выдумки средневековых географов. В попытке её скопировать выловили уже двух засланных или завербованных слуг, для того и оставили карту в кабинете, выявлять шпионов. – Нет, не вся Европа, не вся.

Хотя весной 1581 года, после оглушительного уничтожения крымских татар, да ещё с небывалыми для средневековья потерями, семеро погибших потеряли магаданцы при полном отсутствии «не боевых потерь», желающих купить магаданское оружие прибавилось. К имеющимся посольствам Швеции, Руси, вольного города Данцига прибавились постоянные представительства Священной римской империи германской нации, Венеции, Генуэзской республики, Шотландии, Дании. Все спешили высказать свои поздравления и купить оружие, некоторые были даже готовы заключить военный союз. Однако спешить в таких вопросах командиры не стали, несколько раз собирались, обсуждали и прикидывали, с кем выгоднее дружить.

Со Швецией и Русью вопросов не было, немцы тоже давно ходили в «друзьях», именно так, в кавычках. Хотя отношения с императорским двором оставались нейтральными, Николай усиленно внедрял своих людей в многочисленные землячества Священной римской империи, сотканной «на живую нитку» из множества герцогств, княжеств, королевств. К удивлению магаданцев, среди «национальных меньшинств» неожиданно оказались сами немцы, разные выходцы из Саксонии, Баварии, Бранденбурга, Тюрингии. Все эти представители будущей немецкой нации с трудом понимали друг друга, настолько отличались диалекты средневекового немецкого языка. Да ещё венские аристократы подливали маслица в огонь, демонстрируя своё превосходство над «бедными родственниками» из других регионов империи.

Так что даже неопытным магаданским разведчикам работать в Вене было несложно, вечно бедные аристократы примитивно подкупались, если не деньгами, то богатыми подарками, в виде зеркал, например. Других князей и баронов, как правило, из приграничных с турками регионов, брали предложением крупных партий ружей и помощи в «национально-освободительной борьбе» против нехороших турок с перспективой освобождения от имперского гнёта. Правда, без навязывания «социалистического пути развития», как это делали генеральные секретари Советского Союза. Зато с более понятными аборигенам средневековья условиями. Вроде уплаты за поставленное оружие крепостными крестьянами, исключительно славянского происхождения. Или отделения от Священной римской империи в собственное королевство, с немедленным заключением военного союза с магаданцами. После победы над турками, разумеется.

Ради победы над турками своиравные сербские жупаны не жалели своих крепостных, кто же крестьян за людей считает? Тем более, за такое святое дело, как возвращение Сербии под власть родных, сербских бояр, жупаны готовы были отдать половину своих смердов. Пусть жупаны грабят своих подданных так, как никаким туркам не снилось, пусть сербы, румыны и прочие болгары массово бегут под власть Оттоманской империи, но борьба за свободу и независимость – святое дело. А мнение простолюдинов в шестнадцатом веке никого не интересует. Кроме сербов, на закупки магаданского оружия в кредит, под расплаты крестьянскими семьями, подписались чехи, словаки, венгры, беглые болгары и даже греки. Их предводители – разные князья, короли, герцоги и прочие бояре, – объединились в своих намерениях подвинуть императора Рудольфа Второго на войну против Турции, образовав мощное военное лобби в Вене, при дворе. Хотя, закупив оружие, ни один из доморожденных имперских полководцев не принял предложение магаданцев об обучении своих войск инструкторами. Чему там учиться, воевать имперские войска и так отлично умеют, нечего каких-то выскочек безродных слушать.

Оставался сущий пустяк, изгнать турок хотя бы из европейской части их государства, желательно силами Священной римской империи или самих турецкоподданных. Воевать за немцев и южных славян магаданцы не собирались. Тем более что одним из условий обещанных кредитов было вступление Вены в войну. С чем, кстати, согласились все, кто закупил у магаданцев ружья. Так что на южном направлении всё шло к очередной войне европейцев против Турции.

И Оттоманская империя на сей раз оказывалась не в таком выгодном положении, как несколько лет назад, когда была разгромлена антитурецкая коалиция. На сей раз на стороне европейских армий будут магаданцы, запугавшие всё Средиземноморье своими пиратскими нападениями. А турецкий султан, ещё пару годов назад завоевавший Армению, Грузию, Азербайджан, совершенно некстати получил проблемы с восставшим Египтом, разорённой Анатolieй и уничтоженным вассалом – крымскими татарами.

Потому перспективы ближайшей войны объединённой Европы против Турции выглядели веселее. Тем паче, что Франция, европейский союзник Оттоманской империи, усилиями тех же магаданцев оказалась в сложном положении. Последний из династии Валуа – король Генрих Третий, оставив управление государством на герцогов де Гизов, завёл роскошный двор, где предавался усладам в духе позднего Рима. Очевидцы весьма красочно и цинично описывали оргии Генриха со своими миньонами, молодыми дворянами, окружавшими стареющего короля. Часто сам король с миньонами переодевались в женские платья, а переодетые мужчинами фрейлины подавали им на стол, ухаживали за ними. Огромные суммы тратились из казны на строительство загородных дворцов для короля и его миньонов, вызывая растущее недовольство в рядах консервативного дворянства. Это всё происходило на фоне затяжных религиозных войн католиков и гугенотов, нищавшей страны, что не добавляло авторитета французскому королю среди высшей знати. Но давало отличную почву для работы магаданских резидентов, предлагавших помощь многочисленным герцогствам и королевствам на территории Франции,

по возвращению истинной независимости от Парижа. Это было тем более просто, что Наварра, Нормандия, Бургундия, Аквитания, Лотарингия и другие области ещё помнили другие времена. Да и говорили там совсем не по-французски, молились не всегда по-католически. Не прошло и ста лет, как Карл Смелый и Франциск Первый огнём и мечом объединили Францию в единое государство. Последний потомок великих королей Генрих Третий прикладывал всю свою извращённую фантазию, чтобы свести подвиги предков к нулю. А магаданцы, не нуждавшиеся в сильной большой Франции, по мере возможности помогали «росту национального самоопределения окраин». Где деньгами, где ружьями, где тем и другим. Так что Франция выпала из числа возможных союзников Турции, у династии Валуа хватало своих проблем.

Петро и Павел Аркадьевич продолжали работать с прибывшими послами, выжимая все возможные плюсы из союзов с Генуей и Данией. О прибытии посольства запорожских казаков предупредил Николай давно, он после захвата Крыма отправил в Запорожье свыше тысячи освобожденных из рабства запорожцев, да две сотни своих солдат, набранных из казаков. Если освобождённые рабы добирались сами, получив вместе со свободой лишь трофейную одежду и продукты, то запорожские казаки, воевавшие в составе кипрского войска больше года, вернулись в Запорожье с оружием и в магаданской казачьей форме. Да, Николай рискнул отпустить двести человек с ружьями, платой за верную службу и несколькими письмами к атаманам. Эти казаки, на фоне победоносной войны против крымчаков, были лучшими агитаторами за союз Запорожья и Западного Магадана. Николай переговорил со своими «послами доброй воли», намекнув открытым текстом, что казакам давно пора создать своё государство от Днепра до Дуная, в чём магаданцы всегда помогут.

Так что направление работы с запорожцами было согласовано. С испанцами Павел Аркадьевич давно мечтал договориться о многом, начиная с совместных действий против Англии и её пиратов. Заканчивая предложением магаданской помощи испанской короне в борьбе с берберийскими и алжирскими пиратами. Да и вообще, с Испанией географ предлагал дружить, империя находится в неустойчивом равновесии, если её поддержать, спасти от разгрома Непобедимой Армады, испанцы лет на сто-двести смогут задержать протестантскую экспансию. Конечно, своеобразными методами, в виде казней и войн, но почему бы англичанам и голландцам не получить то же самое, что они применяют против индусов, малайцев и прочих индейцев? Одним словом, пусть европейцы борются за свои права и религиозные взгляды, магаданцы обязательно помогут, не дадут врагам устать или помириться.

Несколько удивляло прибытие турецкого посольства, как раз к туркам никаких предложений у магаданцев не предвиделось. Заключать же договоры о мире, с намерением их нарушить, до такого падения нравов Петро и Павел Аркадьевич ещё не опустились. Как бы ни была цинична политика Западного Магадана в отношении большинства европейцев, до примитивного нарушения взятых обязательств командеры не дошли. За свои слова магаданцы будут отвечать, чего бы это ни стоило. Рыцарские времена ещё не прошли, европейцы ещё не стали «общечеловеками», многие помнят слово «честь» и выполняют свои обязательства. Потому командеры решили посмотреть, что предложат турецкие послы, потом принимать решение.

Тем более что в стране разворачивалась программа перевоспитания пленных детей, из которых командеры планировали вырастить новых янычар, только на свой лад. Вблизи столицы и Риги строили и достраивали две сотни новых интернатов, куда определили двадцать шесть тысяч детей уничтоженных крымчан. Воспитателями Петро, Николай, Анатолий уговорили пойти две тысячи ветеранов из числа раненых солдат и офицеров, старых мастеров и рабочих. Отбирали воспитателей несколько месяцев, разъясняя ветеранам необходимость воспитания из вражеских детей будущих помощников для себя. В персонал детских домов входили женщины, куда также отбирали бывших православных рабынь, одиноких вдов и пожилых крестьянок. Учитывая малолетство пленников, в задачи персонала входило обучение детей магаданскому языку, их крещение, воспитание в православии и постепенный отбор. Кого в

администраторы или рабочие, кого в солдаты, девушек в медсёстры, поварахи, портнихи и тому подобное. Если всё сложится, первые выпускники смогут работать уже через восемьдесят лет, с пятнадцати-шестнадцати годов, как принято в шестнадцатом веке.

Пока же кадровые резервы пополнялись за счёт освобождённых православных пленников, местных подростков, беглецов из соседних стран. Листовки, регулярно засылаемые с агитацией на переезд, стали добавляться именами крестьян и рабочих, перебравшихся в Западный Магадан. Естественно, все они успешно устраивались, заводили богатое хозяйство, открывали собственные мастерские, чего и желали своим бывшим соседям. Так что поток переселенцев из соседних стран не прекращался, ежегодно прибавляя к населению Западного Магадана двести тысяч семей. Страна росла, по разным подсчётам количество жителей перевалило за полмиллиона, одних горожан насчитывалось двести тысяч. Что для сельской Европы было невероятно много, в том же Лондоне, Париже и прочих столицах жили по тридцать-сорок тысяч жителей. Впрочем, дипломатические игры в столице продолжались.

Хотели заключить союз с Шотландией, против которого выступил Павел Аркадьевич, напомнив, что в ближайшие годы Шотландия вступит в унию с Англией, а такие союзники нам даром не нужны. Да и всё проданное шотландцам оружие попадёт в руки англичан, после чего наверняка будет направлено против нас. Географу возразил Николай, вернувшийся из крымского похода не только с победой и массой трофеев, двадцатью шестью тысячами детей, но и с шестью тысячами невольниц, в том числе двумя своими, чем вызвал зависть мужской и негодование женской части «старых» магаданцев, неодобрительные отзывы настоятеля Николая. Однако неунывающий оперативник, с лёгкостью повинулся, одарил всех богатыми подарками и сувенирами. Неделью рассказывал друзьям о своих дипломатических и шпионских успехах, а затем, как самый опытный интриган, не согласился с предложением Павла Аркадьевича.

– Я предлагаю продать шотландцам оружие. И вот почему. Рано или поздно мы столкнёмся с англичанами, пусть на острове будет у нас союзник. Во-вторых, – ехидно улыбнулся Кожин, – насколько я знаю, у шотландцев никогда не было много денег, а люди они воинственные. Давайте продадим им часть оружия в долг, под залог каких-либо земель на севере королевства или островов неподалёку. Ту же Скапа-Флоу, будущую базу британского военного флота, например. А лет через несколько получим эти земли в своё владение, организуем там морскую базу. Хотя бы для отдыха перед плаванием в Америку? Главное, выбрать местность с удобной бухтой и питьевой водой.

Что же касается возможности применить оружие против нас, – поднялся с места Петро, – эту вероятность мы учитываем всегда. Кому бы ни продавали оружие и боеприпасы. Не забывайте особенности местной психологии, заточенной под холодное оружие. Как бы ни понимали аборигены, что наши ружья стреляют далеко и часто, боезапас все просят в пределах двадцати патронов на ружьё. Редко, кто догадывается заказать полсотни и больше патронов. Сейчас такие умные лишь шведы и русские, да и то с нашей подачи. Кроме того, пушки мы никому не продаём, пока. Сколько бы скотты ни купили оружия и ни сэкономили патронов, против нашего полка их дивизия не потянет, даже с ружьями. Прошу не волноваться по этому поводу, тем более, что нарезные дальнобойные винтовки и револьверы в продажу пока не пускаем.

Так что торговля оружием в 1581 году, как говорится, удалась. А практика переговоров дала возможность проявить свои недюжинные дипломатические способности Павлу Аркадьевичу. Первым его достижением стало заключение полноценного военного союза с Русью, с обоюдным обязательством помогать во время нападения на любого из союзников. Ещё не начинать первыми боевых действий против третьих стран без уведомления союзников, не воевать против союзных государств, как то: Швеция у магаданцев и Дания у русских. Впрочем, после присоединения к Руси Крыма необходимости или желания воевать у царей долго не будет. Рус-

ские купцы получили свободный выход в Чёрное море, в Балтике они беспопытно торговали пять лет. Так что русская торговля переживала расцвет.

Из Сибири, активно освоенной казаками, полноводной рекой хлынули меха, наполняя царскую казну серебром и золотом из Европы. Или магаданскими товарами, ружьями, боеприпасами, стеклом, недорогими стальными инструментами, доспехами, карманными часами и подозрными трубами. Много споров с русскими послами вышло из-за желания купить рации, быстрая связь очень выручала русских воевод в крымском походе, где им были приданы магаданские офицеры связи. Потому желание обязательно приобрести рации исходило от самого царя. В принципе, можно было устроить «козью морду» и тупо продать десяток раций. Без радистов никто не разберётся, каким бы гением ни был. Но с союзниками решили не баловаться, предложив сначала обучить «офицеров связи», десятка два, в университете Королевца. Пусть Иоанн присылает своих парней, через год они смогут работать на рациях, тогда и продадим сами устройства связи.

Одновременно договорились обучить на заводах Форт-Росса полсотни русских парней магаданским методам выплавки чугуна и стали. До московских чиновников постепенно доходило, что магаданское оружие можно делать самим, выйдет дешевле и больше. Такой подход командиров только радовал, пусть на Руси уральские заводы появятся на сто лет раньше, чем в прошлой истории. Глядишь, станет Русь промышленной страной задолго до рождения Маркса и Энгельса, Ленина и Троцкого, избавится от кошмара революции и красного террора. Будут жить русские рабочие и мастера зажиточно, не будет желания «грабить награбленное». Ещё бы избавить русское крестьянство от крепостной зависимости, но как? Сейчас, во времена Ивана Грозного, крестьяне на Руси оставались арендаторами, при всех перегибах бояр и дворян. Хотя уже не свободными, а вскоре Борис Годунов примет указ по отмене Юрьева дня, закабалив крестьян на три века русской истории. Единственной возможностью действий в этом направлении оставалось недопущение Годунова к власти. Благо сын Грозного Иоанн Иоаннович здоровствовал и пользовался батюшкиной любовью. Да и сам великий царь, стараниями придворного магаданского врача Алексея, не собирался умирать в ближайшие годы, практически избавился от остеохондроза и приступов вспыльчивости.

С турецкими послами переговоры шли тяжело, за цветистыми фразами и длинными речевыми оборотами турок полностью терялся смысл их предложений. Петру и Павлу приходилось часами разбирать переданные грамоты и переспрашивать переводчиков. Потом ещё столько же времени осмысливать странные предложения Порты и несуразные требования султана. Первоначально послы озвучили желание султана, чтобы магаданцы вернули Кипр и выплатили огромную сумму золотом за обиды, нанесённые турецкому государству. Стараясь держать себя в руках, Петро поинтересовался, не будет ли султан возражать, если указанную сумму магаданцы соберут сами, в прибрежных городах Блистательной Порты, начиная от Константинополя? Послы едва не упали от такого наглого предложения.

Зато потом пришла их очередь изумляться, когда Пётр предложил заключить мирный договор на пять лет, при условии отказа Турции от претензий на Кипр, Крым и выплаты турками контрибуции «за обиду магаданцам», весом в десять тонн серебром. Сумма небольшая, по местным меркам вполне приемлемая, однако с турками давно никто не разговаривал в таком тоне, а контрибуцию они всегда только получали, никогда не платили её сами. Даже когда турки терпели поражение от русских войск, царь Иоанн отправлял им послов с «подарками», словно извиняясь за доставленные неудобства. Так это Русь, огромная страна, а тут, какие-то выскочки, о существовании которых десять лет назад никто не знал. Видимо, потому и стали турецкие послы откровенно затягивать переговоры об условиях мирного соглашения. Все свои усилия они обратили на попытку подкупа кого-либо из власти имущих магаданцев, действуя вполне по меркам шестнадцатого века.

Потеряв больше месяца в бесплодных переговорах, Петро рассердился на турок и передал по радио команду кипрскому гарнизону захватить остров Родос. Благо до него было рукой подать, боеприпасов хватало, а гарнизон из свежего пополнения откровенно скучал на Кипре, подыскивая повод разжиться трофеями, но не мог нарушить запрет на пиратские набеги, что наложил Петро с началом переговоров с турками. Родос радостные бойцы захватили за пару дней, а в придачу основательно разграбили сирийское побережье, от городка Газы до Бейрута и сирийского Триполи. Пока караван с трофеями добирался до Королевца, магаданцы молчали, не раскрывая информацию о захвате Родоса, который, что характерно, турки даже не попытались вернуть обратно. Лишь на следующий день после выгрузки восточных трофеев в порту, о чём тут же напечатали в местной газете, Петро демонстративно отправил новые «повышенные» предложения турецким послам.

В краткой форме, буквально в нескольких строчках, магаданцы удвоили контрибуцию, к упомянутым территориям добавили остров Родос, хотя он был абсолютно не нужен. При личной встрече Петро попросил решать вопросы заключения мира быстрее, пока к Кипру и Родосу не добавилась, например, Морья или Анатолия. Послы моментально отправили конных гонцов в свою столицу, убедиться в достоверности сообщений о захвате Родоса и получить новые указания. Этих двух недель перерыва вполне хватило, чтобы магаданцы окончательно договорились с запорожцами о поставках тем ружей, под будущий захват северного Причерноморья, от устья Днепра до Дуная. Тут пришлось поторговаться, денег у казаков не было, а расплата за ружья ясырем, будущими пленниками магаданцев не устраивала. И без того Королевц с окрестностями напоминал Москву двадцать первого века, редко увидишь славянское лицо. Тем более, что пленников магаданцы и сами хорошо умеют брать, за оружие запорожцам пришлось обещать звонкую монету, после захвата причерноморских степей. Причём запорожцы рассчитывали обернуться буквально за три-четыре месяца, до начала зимних холодов. Им самим не было смысла грабить весной, когда скотина худая, голодная, а запасы за зиму съедены.

В таких переговорах прошло всё лето 1581 года, чтобы плавно перейти в тёплую прибалтийскую осень, новый учебный год. «Старые магаданцы», как всё чаще называли себя бывшие туристы, всё больше остепенялись, вместе со спокойной безопасной жизнью, обученными помощниками, возникали мысли заняться преподаванием. Практически у всех, кроме Нины, пожалуй, да Николая. Нине, с её средним поварским образованием, вполне хватало хозяйственных хлопот, она выстроила Павлу Аркадьевичу уютное гнёздышко на крутом берегу Балтийского моря. Где рядом с трёхэтажным деревянным коттеджем она занималась возведением каменного дворца для мужа, себя и двух детей, которых родила Павлу Аркадьевичу ещё в Форт-Россе. Пусть пока мальчик и девочка не умели читать и писать, но хозяйственная Нина планировала для них роскошные апартаменты с зимним садом, сауной и небольшим бассейном.

Остальные же экстуристы первого сентября 1581 года встречали со своими студентами, составляли планы на год, обсуждали совместные проекты. К общему удивлению, первый, элитный поток университета, где обучались все старшие дети вместе с самыми толковыми аборигенами, как-то очень быстро подходил к завершению. Оказывается, если работать напряжённо, учить студентов из расчёта умных, а не ленивых, средний курс технического вуза вполне можно изучить за три года. Конечно, многих предметов из будущего в столичном университете Западного Магадана не было, таких, как теоретическая механика, политэкономия, физхимия, органическая химия и многих других. Хотя некоторые из них входили в другие курсы, та же экология, эргономика, экономика входили в общий курс машиностроения. Другие предметы, по зрелому размышлению, решили не преподавать, подготовиться к ним тщательнее, совместив с закрытыми темами, той же будущей историей развития общества, например. Закрытые предметы решили давать детям позднее, лет через пять, когда они получат рабочий и жизненный

опыт. Тогда многие закрытые темы станут понятнее, например, классовая борьба или необходимость массовой обработки сознания людей.

Однако договорились не спешить с выпуском детей на вольные хлеба, добавить больше практики, других местных знаний, чтобы выдать дипломы ребятам через четыре года обучения. Зато инженер-механик столичного университета через два года станет универсальным специалистом, не хуже Сайруса Смита из «Таинственного острова». Парни и девушки смогут сконструировать любой простейший станок, получить бездымный порох, выплавить сталь и стекло, собрать электрическую батарею. Уже сейчас они умеют изготовить любое огнестрельное оружие, от револьвера до пушки, двигатель внутреннего сгорания, пусть на спирту и калильного типа, но смогут. Знают, как делать бумагу, как отыскивать руды металлов, как провести химический анализ соединения.

Девушки обладают навыками лечения, сбора трав, массажа, умеют сделать перевязку, зафиксировать сломанную конечность, зашить рану. Парни все отлично стреляют, неплохо фехтуют, хорошо ездят верхом, плавают, в том числе с аквалангом. Всех студентов научили измерять координаты, широту и долготу, управлять небольшими парусными яхтами. Парней и девушек, по настоянию офицеров, независимо от комплекции и пола, обучили приёмам и навыкам рукопашного боя. Девушкам больше давали болевых контролей и освобождений от захватов, парни научились драться против нескольких противников, убивать одним ударом. А такие навыки нуждаются в регулярном повторении, не зря занятия по самообороне проходят в университете трижды в неделю. О балльных танцах и знании этикета можно не упоминать, матери настояли на таких необходимых предметах. Так что оставшиеся два года обучения студентам будет чем заняться, чтобы узнать новое и не забыть уже изученное.

Другие потоки университета, в том числе нынешний, набранный из подростков пионеров и толковых крестьянских детей, с учётом опыта обучения, сделали более специализированными. Технари и гуманитарии разделялись после первого года обучения, отправляясь на специализацию. Однако психологические аспекты руководства, основы управления сознанием людей, как и принципы политэкономии, давали всем без исключения студентам, добиваясь полного понимания предметов. Делать ошибки, как в советских вузах, где студентов воспитывали хорошими специалистами, но слабыми психологами и управленцами, магаданцы не собирались. Как не собирались растить бесполезных интеллигентов с гуманитарным образованием, не востребованным в жизни.

Пусть эта проблема ещё не скоро возникнет, но работой всех выпускников университета магаданцы обеспечат под завязку. Даже невостребованные гуманитарии из дворянских детей на вольные хлеба отправиться не смогут, пока не поработают три-пять лет в деревенских школах учителями, к примеру. Если не понравится работать учителем, отправить послом в Китай или куда подальше, лет на десять. Чтобы никаких скучающих нигилистов или пламенных революционеров, решивших от безделья всех осчастливить, в Западном Магадане не появилось даже в далёкой перспективе. Для этого губернатор готовил пакет законов об обязательной службе всех бывших студентов, не только выпускников, лет до сорока, не меньше. Тогда некогда будет критиковать правительство и мечтать о мироустройстве, после двадцати лет напряжённой службы такие мысли уже не появятся.

Тёплые сентябрьские дни давно пролетели, закончился листопадный октябрь, начались занудные дожди ноября, перемежаемые заморозками. Вымытый дождями, как доброй хозяйкой оконное стекло, Королевец блестел в лучах холодного ноябрьского солнца. В порту привычно суетились грузчики, разворачивая краны и лебёдки, поздние купцы спешили уйти в море до зимних штормов. На закрытом для посторонних рыбном причале разгружались счастливики, успевшие до обеда вернуться с уловом. Редкие прохожие торопились по набережной по своим делам, бездельников на улицах столицы было мало. Лишь иностранные послы да заезжие торговцы с интересом прогуливались по ровным и чистым тротуарам. Кто-то спус-

кался к прогулочному причалу, прокатиться на самоходном катере, подпрыгивая на невысокой волне. Другие направлялись к дворцу наместника, рядом с которым рабочие равняли длинную насыпь из песка с мелким щебнем.

Там, в окружении любопытных мальчишек и десятка зевак, работали шесть человек под личным руководством наместника. Петро, и раньше не баловавший горожан парадной одеждой, был одет в старый ватник, заношенную кепку и крепкие кожаные перчатки. Его помощники, парни из хозяйства Корнеевых, устанавливали на чугунные рельсы мотодрезину. Да, устав ездить за сорок километров к испытательной бухте полдня, прошлой зимой Головлёв поклялся, что наладит туда железнодорожное сообщение. Летом рабочие с участием пленников проложили прямую, как стрела, насыпь, от дворца до причала в бухте. С августа начали укладывать шпалы и рельсы, которые отливали прямо в Кируне, на заводе. Смастерить мотодрезину смогли, не отвлекая Корнеевых от работы над морскими кораблями.

Двигатель взяли стандартный, от обычного серийного катера. Коробку передач Петро сам чертил и заказывал у станкостроителей, с монтажом помогли курсанты морского училища, его элитного отряда – механиков. Белая кость и золотые погоны, как говорится, ещё несколько веков механики будут редкостью в войсках. Как никто, подполковник это понимал и, создавая технические подразделения, старался подчеркнуть их важность, исключительность и привилегированность. Начиная от особых знаков различия, как правило, ярких и красивых, технарям в атаку не ходить. Заканчивая повышенным окладом, потолками званий на ступень выше и прочими льготами. Так что будущие мичманы за месяц собрали мотодрезину, обкатали на стенде, сейчас устанавливают на живые рельсы.

Жаль, конечно, что до берега рельсы не доходят пару километров, но так хочется прокатиться с ветерком, что зубы сводит. Дождавшись окончания проверки всех узлов дрезины, подполковник уселся в кресло водителя, обшитое натуральной кожей, протёр зачем-то изнутри чистейшее лобовое стекло-триплекс со вставкой из слюды. Охрана уже уселась позади, парни волновались не меньше своего шефа. Остались несколько давно забытых движений – захлопнуть дверцу водителя, включить печку, завести двигатель. Петро непослушными руками повернул регулятор накаливания калильного стержня, потрогал рукой тёплый кожух печи, уютно гудевшей справа от сиденья. Подождал минуту, пока калильные стержни нагреются, вернул рукоятку в рабочее положение. Крутанул маховичок, прокручивая коленвал двигателя, ещё разок. Всё, негромко застучали работающие поршни. Пара минут на прогревание механизма, вряд ли успевшего замёрзнуть за полчаса после выкатывания из гаража. Всё, пора, подполковник медленно выжал сцепление, включил первую передачу, медленно придал педаль газа.

Дрезина неожиданно резво тронулась, застучала колёсами по стыкам рельсов, разгоняясь не хуже гоночного мотоцикла. Сзади закричали мальчишки, взрослые махали руками, подбрасывали от восторга шапки в воздух. Петро облегчённо выдохнул, машина работала, как часы, рессоры раскачивали кресла, редкие снежинки разбивались о лобовое стекло. Сидевший справа от водителя техник так и не закрыл рот, изредка клацал зубами при ударах колёс о стык рельсов. Несмотря на неудобство, парень не замечал своего состояния, упёрся обеими руками о переднюю панель и восторженно крутил головой. Зрелище действительно радовало, за считанные минуты на первой передаче дрезина разогналась до двадцати километров в час, подполковник переключил на вторую, после чего машина вышла за пределы города.

Прогулка удалась, тридцать с лишним километров дрезина преодолела за неполный час, достаточно быстро на фоне лошадиных скоростей в шесть-восемь километров в час. Полчаса занял разворот машины в обратном направлении, после чего восторженные спутники наместника снова крутили головами до остановки у дворца. Конечно, Головлёв обратил внимание на многие недоработки – нужно отрегулировать рессоры, подумать о стеклоочистителе, об отсутствующих фарах и многое другое. Но именно день седьмого ноября стал открытием эры сухопутных машин, какой юмор ситуации? День седьмого ноября – красный день календаря! Да,

теперь Пётр понял, чего не хватает для непобедимой обороны Западного Магадана малыми силами: бронепоезда и нескольких стратегических железных дорог. И всё! На бронепоезде одна рота с десятком пушек разгонит любую нынешнюю армию, рискнувшую вторгнуться на магаданскую территорию.

– Всё развлекаешься? – Запрыгнул на платформу у насыпи Николай, протягивая руку для приветствия. – Напугал весь город, бродяга! Аборигены шепчутся по углам, не знают, когда вернёшься, мне не поверили, что тебя пошёл встречать. Я, между прочим, договорился со своим тёзкой об освящении дрезины. С тебя бутылка испанского портвейна, завтра после заутрени он придёт сам. Хотя барон Дрез ещё не родился, надо машину как-то иначе назвать. Например, «головлина», нет, очень длинно, не пойдёт. Давай, назовём «петриной», три слога, как машина, и тебе приятно будет.

– Давай, завязывай обзывать, наместника всякий обидит, пойдём, портвейном угощу. – Смущённый Головлёв подхватил друга под руку и потащил в сторону дворца, озираясь, не слышит ли кто болтовню старого опера.

Спустя полчаса оба сидели в малой зале, рассматривали тлеющие угли камина, пили маленькими глотками красный портвейн, доставленный с родины напиток, закусывали копчёным угрём. Петро взахлёб рассказывал об удачном испытании машины в реальной обстановке, не в силах забыть радость поездки со скоростью сорок километров в час. Давно забытую скорость двадцать первого века, впрочем, скорее девятнадцатого века, но всё равно, напоминающую о будущем. Такую ностальгию вызвала поездка на примитивной железной дороге у подполковника, что он долго не мог выговориться. Головлёв говорил-говорил, Николай его слушал, попивая портвейн, пока друг не успокоился и догадался поинтересоваться причиной встречи.

– Новости у меня, Петро, новости, – улыбнулся оперативник. – Сразу две новости, обе хорошие. Турки подписали соглашение о признании всех захваченных земель, о выплате контрибуции за возвращение Родоса, о мире на пять лет, всё, как мы просили. Это первая новость, согласись, неплохая и своевременная. А то мы разоримся на спонсорстве всяких повстанцев, не дождавшись результата. Двадцать шесть тысяч малолеток, кормить и одевать, опять же, надо. Турецкие деньги нам очень вовремя подошли, послы половину с собой сразу привезли, остальные за два месяца обещают собрать.

Вторая новость не хуже, – сделал глоток портвейна Николай, – возможно, даже лучше первой. Запорожцы наконец раскачались, приступили к зачистке очаковской степи и буджакской орды. Не зря мы с тобой пели им в уши о создании казачьего государства между Днепром и Дунаем. О подвиге Ермака, с двумя полками захватившего всё сибирское царство, о том, как прославятся запорожцы, когда захватят северное Причерноморье. Не говоря уже об огромной добыче, что можно получить, продав всех пленных татар тем же туркам, венецианцам, генуэзцам и прочим торговцам. А огромные трофейные стада овец поделить между казачьими станицами. Пустующие степи можно заселить самим, если не получится, то поклониться ими русскому царю Ивану Четвёртому. Тогда слава о запорожцах останется на Руси в веках, все православные будут молиться за казаков. Помнишь?

– Экий ты умный, – покачал головой Петро, прикладываясь к своему стакану, – можно подумать, я сам не помню всех наших предложений. Мы им пять тысяч ружей продали, все в кредит.

– Значит, самое время дать команду нашим торговцам отправляться в Чёрное море, пусть поспешат недорого закупить трофейное имущество. Тут мне пришла идея в голову, пока рассматривал твою железную дорогу. Не подсуетиться ли, установить прямую границу шведской Польши с захваченной запорожцами территорией? Тогда мы получим короткий выход через дружественные земли к Чёрному морю.

– Верно, завтра свяжемся со шведами, договоримся о взаимодействии с запорожцами. – Петро улыбнулся. – Однако какая интересная заварушка получается. Напрямую тут едва тысяча километров будет, можно железную дорогу за пять лет проложить. Если по ней пустить десяток бронепоездов, на Русь с запада лет триста напасть никто не рискнёт. А мы получим быстрый маршрут переброски войск от Чёрного моря к Балтике. И продвижению товаров с юга на север и обратно, что характерно, это будет золотое дно. Знаменитый путь из варяг в греки отдыхает.

– Ну, ты фантаст, – искренне удивился ходу мыслей своего друга Николай. – Нам за сто лет столько рельсов не отлить. Да и затраты на строительство дороги за столько же лет не окупятся, там же нищета, торговать особенно нечем. Хотя, если получится, мы разорим такой дорогой всех морских торговцев, что возят товары каботажными кораблями с юга на север, всяких генуэзцев, венецианцев и прочих турок.

Спустя два часа, изрядно наговорившись, два офицера расстались. Петро отправился спать в спальню к молодой жене Ларисе, тут же во дворце. Кожин, отказавшись оставаться на ночлег в гостях, решил прогуляться до своего жилища по ночному Королевцу. К полуночи ветер стих, подморозило, вывездило. На небе россыпью подмигивали звёзды, небольшой огрызок луны тихо им подсвечивал. Редкие фонари на центральных улицах подчёркивали чистоту проезжей части и тротуаров. Хотелось кружиться среди тихой ночной столицы, вальсировать, гулять с любимой девушкой под руку, рассказывать ей стихи, как в молодости. Мужчина шёл не спеша, наслаждаясь чистейшим воздухом с примесью морского аромата. Благо идти было минут двадцать, по чистой мощёной брусчаткой и кое-где деревянными плахами улице.

– Опять от меня сбежала последняя электричка, – мурлыкал под нос подходящий мотив майор, переходя от одного фонаря к другому. Хмель давно выветрился из головы, оставив лёгкую ностальгию по давно ушедшим в прошлое (или будущее) временам и нравам. Николай шёл по мощённому брусчаткой тротуару, вспоминая студенческие годы, свои прогулки с девушками по вечерам. Тоска по давно ушедшим временам навевала грустные мысли о смысле жизни. Неожиданно впереди погас огонёк уличного фонаря, чувство опасности ударило по нервам. Мужчина едва не остановился, чтобы бежать обратно, но волевым усилием удержал себя в прежнем ритме движения. Лишь правая рука незаметно скользнула за отворот куртки, вынимая из кобуры неразлучный револьвер. Сыщик двигался вперёд, продолжал напевать невнятную мелодию, прислушиваясь к каждому шороху.

Вот он поравнялся с погасшим фонарём, стараясь не подходить близко к черноте боковых переулков. Чертыхнулся, качнулся на ходу, изображая пьяного, шагнул влево, выбираясь с тёмного тротуара на проезжую часть. Резко остановился, чтобы успеть подставить правую руку под удар сзади-справа. После чего время потеряло свою размеренность, секунды понеслись галопом. Разворот назад, с одновременным уходом в сторону. Ещё два нападающих пробегают мимо, промахиваясь своими дубинками. Шаг вперёд, подножка, удар, первый нападающий, чей удар удачно получилось заблокировать правой рукой, падает на дорогу. Как болит рука от удара дубинкой, лишь бы не перелом, успел подумать мужчина. Тут же принял решение не выпендриваться, пора стрелять.

Бах, бах, бах! Три выстрела гулко отражаются от стен соседних домов, улетаая вниз, к морю, где гаснут под шумом прибоя. Двоих бандитов пули отбросили назад, оба шлёпнулись плашмя на спину, сминая хрустящую наледь на дороге, быстро не встанут. Так, нужно проверить первого, самого наглого злодея, разворот, пинок в грудь ему, чтобы не пытался подняться. Отпрыгнуть в сторону, оглядеться, не прикрывает ли кто бандитов. Спокойно, не торопись, всё нормально, нападавших лишь трое, на белом инее подмёрзшего тротуара чётко видны следы всего трёх человек. Пора вязать наглцов, где моя верёвочка?

Как обычно, верёвка, полгода валявшаяся в кармане, именно сегодня куда-то запропастилась. Пришлось здорового разбойника вязать его же кушаком, благо аборигены без кушака

даже в уборную не выходили. Майор привычно затянул узел за спиной бандита, проверив его карманы, подумав, всунул в рот кляп из его же шапки, убедившись предварительно, что злодей не сопливый. Теперь можно заняться ранеными, оба оказались живы, порадовав старого сыщика. Есть ещё порох в пороховницах, а ягоды в ягодицах, как говорится. Рука не дрогнула, все пули ушли по назначению, в правые плечи, разворотив полушубки нападавших не хуже портновских ножниц. Холодный воздух не способствовал обильному кровотечению, а стоны раненых не затронули ни единой струнки в душе майора. Убедившись, что раненые бандиты безопасны, он присел на бровку тротуара. С соседнего двора уже бежал дворник, выстрелы на улицах столицы были очень большой редкостью.

До утра старому сыщику пришлось заниматься привычной работой, допрашивать бандитов, проверять их показания, выдёргивать цепочку посредников. Всё происходило в лучших традициях тридцать седьмого года, ночью к дому злодея подъезжали бесшумные пролётки, останавливаясь в сотне метров от входа, чтобы не разбудить. Два-три оперативника с револьверами в руках быстро изымали из квартиры или дома фигуранта, подозреваемого в организации покушения на майора, зачастую прямо из постели. Без особого шума выводили его на улицу, сажали в пролётку, отправляя на допросы. Сыщик спешил раскрутить всю цепочку как можно быстрее, пока слухи о стрельбе не дошли до организатора. Удача и профессионализм не подвели, как говорится, мастерство не пропьёшь. Уже в обед удалось задержать двух приезжих негоциантов из Бристоля, с чьей подачи закрутилось колесо неудачного покушения.

Глава 5

– Мочить их надо, как говорил президент, в сортире всех мочить! – неистовствовал Анатолий, когда узнал об английских наёмниках. – Они, сволочи, нас и наших детей убивают, а мы смотреть будем?

– Действительно, что предлагаешь ты, Пётр? – резюмировала итог получасового общего возмущения магаданцев результатами расследования теракта Надежда, жена Толика. – Раньше французы нас травили, теперь англичане убийц нанимают, почему вы молчите, офицеры?

– Мы не молчим, мы собрали всех именно для того, чтобы выработать общую стратегию действий. – Петро сидел во главе стола с хмурым видом, что-то чиркая свинцовым карандашом на бумаге. – По Франции повторяю, семейству Медичи скоро будет не до нас, через месяц, в самое Рождество, начнётся восстание большинства провинций королевства. Конкретные даты озвучили Нормандия, Гасконь, Наварра, Аквитания, Пикардия. Все они вооружены нашими ружьями, в каждом отряде по десятку советников из наших ветеранов, с офицером связи. Те смогут скоординировать свои действия, чтобы не быть разбитыми поодиночке. Потому о Париже можно забыть на ближайшие месяцы, как минимум.

– В Англии у нас никаких подвязок нет, как-то не получилось, – вступил в разговор Николай, ответственный за разведку и контрразведку. – Вернее, люди есть, но информация слабая, так, общие верхушки, что любой купец знает. Зато у нас договорённость с шотландцами, которые нам мешать не станут в случае конфликта с Англией, хотя и не поддержат. Завтра типография начнёт печатать листовки на четырёх языках – русском, немецком, испанском и латыни, поливающие англичан грязью. В лучших традициях америкосов, мол, англичане дикари, до сих пор оккупированы Нормандией, своего языка не имеют, разговаривают на смеси нормандского, англского и сакского языков. Законов писанных не имеют, живут без стыда и совести, как судью подкупят, так тот и решит любое дело. Королева Англии Елизавета папой римским давно объявлена незаконной наследницей, поддерживает пиратов, организовала нападение на магаданских дворян и торговцев силами наёмных убийц. Пока этой информации хватит.

– Почему пока? – Удивился Павел Аркадьевич. – Я хоть сейчас вам столько расскажу, на триста страниц хватит.

– Через месяц, когда первые листовки разойдутся, добавим следующую порцию грязи, затем ещё, – улыбнулся Кожин, – ближе к весне вся Европа будет считать англичан вырожденками и преступниками, еретиками и дикарями, подлежащими уничтожению. Примерно в апреле мы в газетах и листовках распространим призыв всем честным людям присоединиться к нашей очистке английского острова от бандитов и еретиков, там обосновавшихся. Все эти месяцы газеты в каждом новом номере будут подавать какую-либо изюминку из личной жизни королевы Елизаветы, её придворных и предков. Помните знаменитую серию «Проклятые короли»? Мы еженедельно будем подавать истории соблазнения сёстрами братьев, сожительства отцов с дочерьми и сыновьями, кровосмесительных связей. Покажем, что английские дети пытаются, убивают своих отцов и матерей за будущее наследство. Пусть половина информации будет ложью, но все королевские дворы Европы побоятся заступаться за Елизавету и Англию, иначе мы их самих развенчаем.

– К маю месяцу, мы подготовим армию вторжения с огромным запасом патронов и снарядов, – не выдержал Петро. – Флот установит жёсткую блокаду острова, а десяти полков с приданной артиллерией, уверен, хватит для быстрого захвата Англии. На континент мы англичанам бежать не дадим, пусть укрываются в Ирландии и Шотландии. К тому времени в обеих странах начнётся настоящая охота на англичан и протестантов, мы будем платить за голову каждого живого англичанина и протестанта. Убивают пусть бескорыстно.

– Но куда мы денем такую прорву пленных? Не собираетесь же вы их расстреливать и вешать? – обеспокоилась Елена Александровна, на чьём попечении находились сотни детских домов и казарм с пленниками.

– Всё учтено могучим ураганом, Елена Александровна, никаких дармоедов в Королевец мы не повезём. – Петро встал и подошёл к окну, выходящему на гавань. – Сегодня из нашей гавани отплывают восемь кораблей, с солдатами и рабочими, с оборудованием, инструментами и товарами. Все они отправляются в Северную Америку, основывать первые четыре колонии на побережье. Да, колонии-поселения, чтобы подготовить их для массового приёма заключённых. К маю будущего года там выстроят жилые бараки, поставят лесопилки, наладят торговлю с индейцами.

– Где мы возьмём столько охраны для пленных, они же разбегутся.

– Побойтесь бога, индейцам будет предложена хорошая плата за каждого беглеца, никуда никто не убежит. Через пару лет самые толковые индейцы без нашего присмотра займутся охраной англичан, точнее, бывших англичан. Поскольку высаживаться в Англии мы будем под девизом помощи братскому скандинавскому и славянскому народу, порабощённому английскими, саксонскими и нормандскими завоевателями аж четыреста лет назад. Скинем, так сказать, чужеземное иго с братского славянского народа. – Наместник кровожадно ухмыльнулся, давая понять, что помогать будет изо всех сил. – Все наши командиры, миссионеры, газетчики и прочие, кто пожелает оказать помощь, ежедневно и ежечасно будут разъяснять аборигенам оловянного острова, что мы освобождаем их от захватчиков, угнетавших народ четыреста с лишним лет. А сами они суть славяне и кельты, забывшие родной язык под гнётом оккупантов, самоназвание «англичане» станет оскорблением, лояльные жители острова будут называться русами, к примеру.

Как сказали бы америкосы, мы понесём мир и демократию на многострадальную землю, оккупированную узурпаторами и еретиками. Всем будут обещаны свободы, взамен потребуются лишь креститься справа налево да говорить по-русски. Всё это на фоне всеобщего ликования и благоденствия, свободы и процветания.

– Не завязнем, как наши в Афганистане, в восьмидесятые годы?

– Что вы, сейчас не те времена. Не забывайте, население всей Англии, дай бог, за миллион перевалило, что даёт не больше ста тысяч дворян и прочих йоменов. Это с детьми, если считать, а чистых бойцов едва тысяч двадцать наберётся. Пусть даже вдвое больше будет, это несерьёзно. Остальное население острова воевать не станет, крестьянам и ремесленникам глубоко наплевать, кто будет править. Не забывайте, у нас с вами два неплохих козыря – православие и девятичасовой рабочий день с отменой любой барщины. Английские дворяне в замках и поместьях нам не нужны, поэтому смело освобождаем всех православных от налогов на семь лет, наглядный пример, слава богу, имеется в Западном Магадане. Думаю, желающих перейти в православие будет хоть отбавляй. Всем крестьянам даём свободу от барщины сразу после высадки на остров, а налоги соберём сами, графам и баронам оставляем по километру земли вокруг замка, на том пусть спасибо говорят, никаких крепостных. Америка большая, колоний на всех хватит, если кто возмущаться будет.

– Монахов и священников придётся сразу изолировать, а в церкви и монастыри наших миссионеров селить, да стены с подвалами проверять, там наверняка солидные средства хранятся, – прикинул Павел Аркадьевич. – Все книги надо сразу изымать, позднее редактировать и переводить на русский язык. Тогда к апрелю нужно тысячу букварей наших напечатать да столько же Евангелий на магаданском языке. Будет, по каким книгам язык изучать англичанам, точнее, бывшим англичанам. Монахов и английских священников предлагаю с острова не выпускать, собрать всех в паре монастырей, где с ними заняться перевоспитанием. Англичане совсем недавно были честными католиками, потом перешли в протестантство по приказу Елизаветы, признав её верховным патриархом Англии. В отличие от Руси, особых противников

протестантства в церковной среде не было, массового церковного раскола в литературе не описано. Следовательно, английские монахи легко станут православными, было бы предложено. А мы предложим всем, кто выучит русский язык, вернуться к своей пастве. Для стимула, самым шустрым будет повышение церковного статуса. Думаю, желающих найдётся достаточно.

– К маю мои девочки вам человек сорок учителей начальной школы приготовят, со знанием английского языка, бумагу я обеспечу. – Елена Александровна начала записывать, что будет необходимо для высадившейся армии. – Продукты будут, сотню своих управителей на кораблях отправлю сразу после высадки. Предлагаю заранее предусмотреть несколько пунктов высадки и опорных городов. Чтобы не гонять транспорт через всю Англию, мы рассчитаем самую удобную логистику.

– Полагаю, надо сразу менять топонимику на славянский лад, – предложил географ. – Русские названия сотрут в массовой памяти века англоязычного существования. Не зря немцы меняли топонимику на всех захваченных славянских землях, примитивно переводили её на немецкий язык. Именно они за несколько поколений умудрились ассимилировать покорённые славянские племена, быстрее, чем любые французы или англичане. Дайте мне самую подробную карту Англии, я её творчески переработаю, затем размножим в типографии до сотни экземпляров.

Предложения шли самые разные, народ оживился, стараясь внести свою лепту в общую копилку. Никто не пытался заступиться за англичан, предложить иное решение вопроса, нежели военное вторжение. Все магаданцы, включая подростков детей, отлично понимали античеловечную сущность англо-саксонского протестантства. Ибо знали о роли англичан в убийстве Павла Первого, в многочисленных покушениях на других императоров и политических лидеров России, вплоть до убийства Распутина, кстати. Никто не сомневался, что независимая Англия и в этой истории будет подобным образом избавляться от магаданцев и их потомков, был повод убедиться в этом. Петро, глядя на молодёжь, мысленно похвалил себя и товарищей, за правильное патриотическое воспитание детей. С такими помощниками и наследниками молодое государство имело все возможности прожить долго и счастливо. Оставалось сохранить начатый разбег лет на двадцать-тридцать, тогда и умирать не страшно станет.

Тем декабрьским вечером магаданцы расписали свои планы до мая 1582 года, наметили контрольные точки, после чего принялись за выполнение взятых обязательств. Впервые, пожалуй, за последние пять лет сытой и безопасной жизни магаданцы спешили вооружиться до зубов. Производственники корпели над боеприпасами, двигателями кораблей и катеров, дальнобойными орудиями и скорострельными винтовками. Запасали муку, сухари, копчёное мясо, сушёную и солёную рыбу. Именно той зимой, в частности, пошли наконец в серию, первые консервы в лужёной жестяной банке. Работали над ними больше двух лет, а получилось всё только тогда, когда большая война оказалась на носу. Получается, европейские апологеты войны правы, война подталкивает развитие человечества, технический прогресс, как минимум.

Зимой 1581–1582 годов теория ускоренного развития человечества именно в период войн получила своё подтверждение, хотя бы, на примере отдельно взятого Западного Магадана. Пошедшие в серию рыбные и мясные консервы стали первым предвестником технологического рывка. Следующим прорывом, как ни странно, стала швейная машинка, ручная швейная машинка, над созданием которой магаданские механики с помощниками работали шесть лет. Оказалось, мало собрать механику, чтобы машина работала, пришлось создать целую отрасль по наматыванию ровной тонкой нитки на шпульку. На местных кручёных руках нитяная техника не работала, они рвались через пару секунд. И, что характерно, качественная техника соединилась с качественной нитью, именно той зимой, как нарочно. Чем моментально воспользовались женщины, организовав массовый выпуск стандартной одежды – военной формы,

спортивной одежды, рабочих спецовок, по вполне приемлемым ценам. Хотя в двадцать первом веке европейцы бы назвали такие цены демпинговыми.

За пределами Западного Магадана зимняя Европа кипела, воевали почти все соседние страны. С разным успехом, с разными врагами, но воевали многие государства. Продолжались сражения испанцев с гёзами в Голландии. Один за другим восставали французские регионы, стремясь получить независимость от Парижа. Священная Римская империя впервые вступила в войну с Турцией не летом, а зимой император Рудольф Второй поддался уговорам своих дворян, мол, турки, как южное племя, как раз зимой воевать не умеют. Вооружённые магаданскими ружьями, немцы, сербы, венгры, румыны активно отстреливали турецких янычар, хотя в наступление перейти не смогли. Зато к середине февраля цесарские полководцы догадались закупить крупную партию патронов и, судя по некоторым успехам, начинали понимать тактику войны нового типа. Может, просто солдаты решили не ждать милости от воеводы, научились метко и быстро стрелять. Турки ещё держали свои позиции на границах с империей, но оттоманское войско медленно таяло. Так что Священная римская империя, вопреки прошлой истории, начала к весне выжимать турок с захваченных земель, чего не было в покинутом будущем до середины восемнадцатого века.

Возможно, в этом помогли запорожцы, три месяца азартно резавшие буджакские татарские кочевья. Вопреки расхожему мнению о казачьей вольнице, к освоению северного Причерноморья запорожцы приступили весьма вдумчиво и практично. Буджакскую орду казаки обкладывали, как медведя в берлоге. Сначала каждая казачья сотня научилась быстро и метко стрелять из купленных ружей на сто и двести метров. Только после этого профессиональные воины выступили в поход, разграбив несколько кочевий. Тем самым запорожцы спровоцировали буджакских татар к сбору всей орды против напавших казаков. Пока улусы собирали воинов в общую армию, казаки расположились на равнине, приготовив врагам такую же ловушку, в которую были пойманы сами несколько лет назад магаданцами. Учитывая, что лесов в степи маловато, казаки выбрали местность, обильно пересечённую оврагами, да разбавили её связанными рогатками. С подобной примитивной системой укреплений татары были давно знакомы и не сомневались, что спокойно разберут рогатки, находясь в недосыгаемости от огнестрельного оружия. Они так и не успели узнать, что у казаков новые ружья, быющие на двести с лишним метров, с небывалой скорострельностью и точностью, отправились в атаку на врага привычным построением, без пушек и в лоб, рассчитывая на численное превосходство.

Само татарское войско казаки расстреляли почти без потерь, с разных направлений, окружив пытавшихся спастись татар небольшими мобильными отрядами. Убедившись в гибели орды, в беззащитности кочевий, которые некому стало защищать, казаки принялись неспешно вырезать татарские селения. Широкой лавой казачье войско растеклось по северным границам буджакской степи, отрезав беззащитные татарские кочевья от границы с Валахией и Дуная. Пока эта часть казаков выступала в роли загонщика, оставшиеся на юге отряды запорожцев отлавливали татар, забирали их стада, чтобы отогнать к берегу Чёрного моря и продать торговцам как самих татар, так и скот. Благо из буджакской степи до скупщиков было несравнимо ближе, чем от Москвы до Крыма.

Робкие попытки турок спасти своих вассалов, переправить войска через Дунай и ударить в спину запорожцам пресекли магаданцы. Три печально известных среди турок самоходных парусника с Кипра вошли в устье Дуная, где месяц курсировали вверх-вниз по течению реки, одним видом мешая туркам форсировать пограничную преграду. Магаданцы демонстративно не открывали огонь, но изредка взрывпакетами глушили рыбу в реке, когда собирались сварить уху, чтобы обозначить своё присутствие туркам. Чего оказалось достаточно, чтобы прикрыть границу с турецкой стороны. Хотя форсировать пограничную реку не получилось, однако напуганные казачьей вольницей турки держали часть западной армии на берегах Дуная, ослабив границу на севере, потому цесарцам и удалось там развернуться.

Султан Мурад, успевший захватить Азербайджан и направивший войска на Персию, вынужден был отложить дальнейшую экспансию на восток. Над европейскими землями Османской империи нависла нешуточная угроза. Впору было перевозить войска из Азербайджана на европейскую территорию, чтобы защитить Балканы, нежели думать о захвате плодородных персидских долин. Увы, сказывались серьёзные потери турецкого флота в сражениях с магаданцами, перевозка армии могла затянуться на долгие месяцы, движение пешим ходом через горы было ещё медленнее. Воспользовавшись тем, что европейская армия турок скована на северных Балканах и берегах Дуная, венецианцы высадили десанты на Архипелаге, возвращая себе утраченные острова. Их сухопутная армия начала движение по побережью Черногории и Хорватии, вытесняя турок с берегов Адриатики. Как обычно, предприимчивые европейцы загребали жар чужими руками. Пока казаки и немцы воевали с турками и их вассалами, венецианцы грабили и присоединяли себе турецкие земли.

Во Франции войска мятежных провинций разорали владения, подвластные Генриху Третьему, воюя истинно во французском стиле. Отряды наёмников азартно грабили чужие владения, иногда постреливали в сторону королевских войск, уклоняясь от настоящих сражений. В перерывах между боями противники встречались у общих друзей, выпивали, дрались на дуэлях. Много говорили, но мало делали, создавая видимость восстания против королевской власти. Приданные мятежникам магаданские офицеры связи недоумевали, в чём их обязанности. Дорвавшиеся до халявы герцоги и графы не думали ни о чём, кроме материальной и моральной выгоды. Со стороны правительственных войск тоже не наблюдалось особых потуг разбить мятежников. Короче, война шла, как в романах Дюма, противники изредка стреляли друг в друга, сражались, брали пленных, которых затем выкупали, строили планы, пировали и веселились. Впрочем, магаданцев вполне устраивали такие занятия французской знати, главное, что королеве-матери стало не до внешних врагов, хватало внутренних.

Неожиданно активизировалась Русь, Иван Четвёртый собрал дворянское ополчение, которое с помощью приданных стрельцов приступило к зачистке Приазовья от остатков крымских татар и ногайцев. С востока московским войскам активно, весело и с песней помогали донские казаки, вырезавшие ногайские селения напрочь. Со стороны Днепра и Перекопа дворянское ополчение добросовестно резало и холопило всех нехристей, и без того малочисленных. В марте 1582 года оба войска встретились под стенами Азова, крепость города не выдержала пушечного обстрела магаданскими фугасными снарядами. После двухнедельной осады казаки захватили город, заключив с русским воеводой Оболенским крестное целование на верность Руси. В ответ воевода от имени царя обещал казакам достойное жалованье, хлебное и пороховое довольствие, а также два десятка православных попов для окормления паствы. Донские казаки осели в Азове, захватив турецкую крепость на полвека раньше, нежели в прошлой истории. Керчь русское войско не тронуло, но эта турецкая крепость потеряла своё стратегическое значение. Русь получила относительно спокойные границы Причерноморья, с востока и запада. Там и там казаки, хоть и разбойники, но свои, православные, с которыми можно договориться.

Активные действия русского поместного войска закончились, как и положено, за два месяца, к началу апреля. Северное Причерноморье к востоку от Днепра и Приазовье западнее Дона опустело. Редкие маленькие кочевья татар и ногайцев, спасшиеся от истребления, прятались в излучинах речушек, думая лишь о выживании. Огромные плодородные земли от Дона до Днепра, от Воронежа до Крыма стали безопасными. Русские крестьяне и боярские дети, дворяне, начали заселение богатейших плодородных земель Тавриды. Осторожно, вдоль рек, распахивали чернозёмы, в надежде на богатый урожай. Строили небольшие остроги, окружённые распаханной землей. Уходили в степи, где охотились на редких тарпанов и туров, ещё не выбитых кочевниками. Перенимали навыки овцеводства и коневодства на степном разнотравье. Русь получила спокойную южную границу, где наперегонки испомещались боярские

дети и новики. Благо многолетняя политика царя Иоанна сильно урезала огромные боярские вотчины, и желающих осесть на богатых чернозёмах тёплого края оказалось предостаточно. Предприимчивые дети боярские и сами бояре активно агитировали переселиться своих крестьян из северных вотчин, перевозили их на юг, на чернозёмы.

Испанцы, договор с которыми Павел Аркадьевич довёл до логического окончания, свирепствовали в Нидерландах. Несмотря на огромный приток серебра, и золота из Америки, испанский двор находился в стадии перманентного поиска средств. Потому предложение магаданцев поставлять обмундирование, оружие и боеприпасы армии герцога Альбы в обмен на пленных бунтовщиков-голландцев понравилось послам испанского короля Филиппа. Требование испанцев о том, что бунтовщики не будут воевать, магаданцы подтвердили, не моргнув глазом. Давать протестантам оружие они не собирались, планируя использовать пленников в качестве рабочей силы. Идея Петра выстроить три железнодорожные линии из столицы многим пришлась по душе.

Даже женщины согласились, что дорога на восток, до Риги и дальше к русской границе, кроме оборонительной и торговой пользы, станет наглядным примером для русских мастеров и торговцев. Может, сдвинется технический прогресс на далёкой Родине, не дожидаясь царского указания. Пусть и по царскому указанию, лишь бы пораньше Русь начала прогрессировать. Вторую дорогу пленные голландцы проложат до побережья Вислы, которая служила естественной границей Магадана на западе. А третью будут строить позже всех, на юг, в надежде кооперировать интересы своих торговцев со шведскими поставщиками зерна, мяса и фуража. Добрая половина шведской Польши продавала урожай соседям-магаданцам. Близко, всегда востребовано и цена хорошая.

Кроме продажи оружия, Павел Аркадьевич добился у испанцев права выстроить магаданское поселение в дельте реки Миссисипи. Несмотря на то, что это название испанцы записали и согласовали в договоре, послы явно не представляли себе, где эта река. Их устроило разъяснение магаданцев, что эта река гораздо севернее освоенных испанцами территорий будущей Мексики. Добиться же прямой торговли с испанскими поселениями в Америке, увы, не удалось. Несмотря на дорогие подарки и прочие уговоры, прямо нарушить закон, подписанный королём и кортесами, испанцы не смогли. Пришлось через послов заказать как можно больше высушенного сока гевеи, который наверняка известен в колониях, но сами послы не имели понятия, что это такое. Слава богу, описать сырую резину не трудно. Простимулированные послы обещали ускорить поставки этого продукта в Королевец, но учитывая скорости шестнадцатого века, первые результаты магаданцы ждали года через два, не раньше.

Необходимость в резиновых изделиях росла с каждым днём, производство двигателей супруги Корнеевы и Володя Сусеков достаточно отработали. Закрытые мастерские в испытательной бухте приступили к выпуску мелкой серии корабельных моторов. Проблем с прокладками, как многие догадываются, было огромное количество. Кожа, даже самая просмоленнная, плохая замена резине. Потому и обходилась эксплуатация ДВС довольно дорого, что прокладки горели и гнили очень быстро. Механики меняли уплотнители почти после каждого рабочего включения двигателей. Некоторые детали и изделия просто становились невозможными без резины, те же акваланги и ласты для пловцов, например. Отсутствие резины оказалось сильным сдерживающим фактором для магаданской промышленности, да и экономики тоже. Кроме того, все понимали, что в сыром климате балтийского побережья галоши и резиновые сапоги пойдут нарасхват.

Подписанием договора с испанцами закончился тяжёлый 1581 год, который магаданцы позже называли дипломатическим. Не успели испанские послы отбыть на родину, как в Королевец доставили партию пленных голландцев. На первое время, для изучения языка и лечения, раненых гёзов отдали в руки доморощенных православных миссионеров. Перед большой работой в Англии и Америке необходима полноценная практика. Пусть православные монахи

наберутся опыта в работе с протестантами, он пригодится. Студенты же университета приступили к разметке первой промышленной железной дороги, призванной соединить столицу с Ригой и пройти далее к русской границе. Через два года, за которые планировалось закончить дорогу, путь от русской таможни до Королевца составит меньше суток, сейчас на это уходит неделя и больше. Теодолиты магаданские, конечно, уступали подлинным инструментам двадцатого века, но проложить прямую линию и взять отклонение по вертикали способны.

Огромное хозяйство наместника и губернатора давно вошло в рабочий режим, когда не требуется ежедневный контроль и пинок подчинённым для ускорения работ. Многие действия стали привычными, напоминая поточное производство ружей или патронов. Ежедневно прибывающие переселенцы рабочим порядком селились в казармы, ставились на довольствие. Взрослых и детей обучали языку, письму, устраивали на работу, нарезали землю, выдавали кредит. После чего контроль над новичками переходил в руки банка и молодёжного ведомства. Это ведомство создали по инициативе губернатора, для полного и активного воспитания молодёжи в духе «марксизма-ленинизма», вернее, «русского панславизма» или «русского прогрессорства». Кому как больше нравится, официальная идеология находилась в стадии утверждения.

Губернаторша привлекла к делу воспитания молодёжи всех своих подружек учителей, даже химика Надежду. В чём её дружно поддержали офицеры, понимавшие важность воспитания нового поколения магаданцев, как никто другой. Да, собственно, никто и не спорил, все насмотрелись на оранжевые революции двадцать первого века, особенно на Украину 2014 года, где многое произошло из-за воспитания. Бандеровцы с помощью американских долларов и продажных политиков воспитали себе смену, а нормальные люди пустили всё на самотёк, в результате потеряли страну. Петро, получивший на Майдане пулю в спину, даже в шестнадцатом веке не мог простить того, что сделали англосаксы и еврочеловеки с Украиной в двадцать первом веке. Потому, убедившись в стабильности налаженного производства, он благословил учителей на воспитательное поприще.

Так вот, в молодёжное ведомство входили: отдел пионерского движения, отдел общего образования, отдел идеологии, отдел культуры и техники, отдел воспитания. Чем занимаются первые четыре отдела, в целом понятно, можно не расшифровывать. А под названием «отдел воспитания» скрывалась целая структура по воспитанию магаданских янычар. Их с каждым годом набиралось всё больше и больше. Пять лет назад детских домов для беспризорников и сирот изначально выстроили четыре, три в столице, один в Риге. Укрощение Крыма добавило сразу две сотни детдомов, требовавших постоянного внимания. Не только в смысле учёбы и содержания детей, но и должного воспитания. Чтобы не получить через десять лет бандитскую вольницу в стиле девяностых годов. На фоне двадцати шести тысяч сирот обоего пола ежегодное пополнение в сто-двести прибывающих беспризорников просто терялось.

А будущих покорителей Дикого Запада, куда планировали направить большую часть подрастающих сирот, отобранные командирами бойцы-ветераны и толковые добрые женщины воспитывали в истинно христианских ценностях, разбавленных социалистическими идеалами. Парней и девочек с юных лет готовили к трудностям, обучали ремёслам, это в порядке вещей, как во всех семьях средневековья. Но в детдомах ещё готовили к жизни по-честному, без дворян и богачей, без королевских судов и родной общины. Ребят учили чести и честности в отношениях, взаимопомощи и выручке, нестяжательству и способности сражаться с врагами насмерть. По просьбе учителей типография печатала не только все стихи, какие вспомнили магаданцы, но и вольные переложения сказок, рассказов советских писателей, повестей из жизни Дикого Запада Фенимора Купера, Майн Рида, Луиса Лямура. Несколько сотен книг, сохранившихся на сотовых телефонах и планшете, третий год переписывала специально созданная команда. Писали всё, не вникая в содержание, стараясь сохранить даже технические регламенты и статистические таблицы.

Три трофейные типографии, вывезенные в своё время из польских столиц, стали основой для крупнейшего в Европе издательства. После некоторых усовершенствований примитивного печатного станка, определённой механизации, дополнительно обученных кадров, щедрого финансирования столичная типография выпускала не только еженедельную газету. Хотя число подписчиков газеты росло, её тираж пока не шёл в сравнение с листовками, менявшимися содержание дважды в месяц. Кроме того, выпускались уже упомянутые книжки, а с некоторых пор – комиксы с чёрно-белыми картинками. При минимуме текста комиксы доносили максимум понятной не очень грамотному местному населению информации.

Тут магаданцы взяли на вооружение идею америкосов, во всех развлекательных комиксах проталкивали нужную идеологию. То главный герой обманывает жадных протестантских пасторов, то убегает в свободную страну от злых графов, то беспризорные дети добираются до Магадана, где учатся в школе и уплывают в дальние страны. Набор злодеев был стандартный – протестанты без стыда и совести, способные продать родного сына за деньги; англичане – бедные завоёванные норманнами славяне, забывшие свой язык, угнетённые еретиками и мужеложцами дворянами, во главе с незаконной королевой; да мусульманские пираты и работоторговцы. Решили не множить признаки «плохишей», пусть их будет всего три – англичане, протестанты, мусульмане.

В столице уже работали четыре библиотеки, куда регулярно доставляли новую литературу, не только своего издания, но и привозимую из других стран. Хотя своя типография работала без остановки, особенно в предвоенный период, выдавая за неделю две-три книжки тиражом до тысячи экземпляров. Бумага давно была своя, недорогая, в любых объёмах, успевай заказывать. По предложению учителей каждый «старый магаданец» раз в неделю посещал хоть один детский дом, с лекциями и рассказами. Потом к такой инициативе стали подтягивать мастеров с производства, офицеров, подрастающих детей взялись водить на экскурсии в цеха и мастерские. Работу воспитания подрастающего поколения, в первую очередь сирот, бывшие учителя Пермского края, соскучившиеся за десять лет по профессии, поставили на совесть.

Петро ввёл в полках понятие «сын полка», закрепив за каждым взводом по одному пацану, склонному к службе. Мастерские после посещения детдомов тоже стали брать на своё попечение толковых ребят, готовить себе пополнения с детства. А Елена Александровна уже задумывала открытие первых ремесленных училищ для мальчиков и девочек. Пацанов, понятно, на заводы слесарями и токарями, а девочек – в медсёстры и швейные мастерские. Зря, что ли, швейную машинку придумали, на неё у практичного губернатора были огромные планы. Не только производство дешёвой военной формы для магаданцев, испанцев и прочих покупателей, но и пошив недорогой готовой одежды по привлекательным лекалам, неизвестным в шестнадцатом веке. Чего говорить об одежде, если обувь аборигены до сих пор шили на одну ногу? Елена Александровна не скрывала, что завалит недорогой и качественной обувью всю Европу, едва мастера модифицируют швейную машинку под шитьё кожи. Пока её агенты приступили к закупке и заказу больших партий кожи, стараясь не взвинтить цены.

Буквально в феврале 1582 года, после окончания внешнеполитических баталий, наместник подписал несколько законов. Начиная с Конституции, Уголовного и гражданского кодекса, заканчивая Таможенным кодексом. Документы готовили почти два года, обсуждали, вносили изменения, снова переделывали. Споров хватало, но окончательные варианты приняли единогласно, на неформальном голосовании допущенных магаданцев. Конституция была короткая, декларировала права человека и гражданина, все, которые смогли вспомнить. Добавили к этому неподсудность гражданина Западного Магадана другим странам, объявили страну исключительно православным государством, промышленным и несловным. На ближайшие двести лет такого основного закона вполне хватит, тем более что рабство было запрещено в любой форме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.